

детективная мелодрама

Галина РОМАНОВА

*Соперница
с обложки*

Детективная мелодрама

Галина Романова

Соперница с обложки

«ЭКСМО»

2009

Романова Г. В.

Соперница с обложки / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2009 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-33549-7

Успешная, несгибаемая Марианна Волина мешала многим! Сотрудникам своей фирмы, дочери, любовнику, лучшей подруге. Как оказалось, ее боялись и тихо ненавидели даже те, кому она помогала. И вдруг однажды Марианна бесследно пропала... За ее исчезновением последовала серия на первый взгляд никак не связанных между собой 3 убийств, в которых предстоит разобраться двум молодым следователям. Но главным для них остается вопрос: куда же делась Волина? А может, это она – безжалостный убийца?..

ISBN 978-5-699-33549-7

© Романова Г. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Соперница с обложки

Глава 1

Она всегда помнила про раздражающий фактор, всегда! Выискивала его в любом месте, в любой ситуации, если ее что-то беспокоило, и ценой отлаженных до автоматизма стараний всегда исключала. Было нелегко. Одно дело, когда выбрасываешь на помойку вещь, потому что невыносимо видеть, потому что судорогой сводит глаза при взгляде на нее. Другое дело – поступить так же с человеком. С живым, между прочим, человеком. Его на помойку не оттащишь, не оттолкнешь, не устранишь... без колоссальных усилий.

Но получалось! Все равно у нее получалось избавляться и от людей тоже, если они являлись так называемым раздражающим фактором.

Теперь, сегодня утром то есть, все вдруг оказалось намного сложнее. Сегодня она вдруг поняла, что раздражающим фактором является самый близкий, самый родной ей человек. Как быть?! Как поступить теперь?! Устранить не получится, хотя и можно было бы постараться. Но нет, она не станет. Ни за что не станет! Устраниться самой? Каким образом? Уйти, раствориться, исчезнуть? Тоже сложно. Слишком длинный шлейф из обязательств за ней тянется, чтобы можно было все просто взять и оставить на кого-то.

Да на кого же опять! Опять на этого человека, который вдруг оказался совершенно лишним, совершенно ненужным, совершенно бесполезным и никчемным созданием.

Как быть?..

– Марианна Степановна. – В кабинет заглянула секретарша, настороженно и боязливо глянула на нее синими глазищами из-под длинной челки. – К вам Алла...

Марианна отрицательно качнула головой, окинув секретаршу взглядом.

Хорошая девочка. Умная, рассудительная. Боится ее до смерти. Боится и ненавидит одновременно – за суровость обхождения. Оттого и смотрит всегда именно так – настороженно, с примесью затаенного страха.

Боится, ненавидит, но терпит, не увольняется. Потому что умненькая, дрянь. Потому что знает, что нигде больше не найдет столь высокооплачиваемой работы. Образования соответствующего нет – раз. Прописки нет – два. Жить будет негде, увольется она, – три.

Вот и терпит. И вскакивает всякий раз, как по команде, стоит Марианне распахнуть дверь в приемную. И каждое слово ее ловит, дважды повторять не нужно. И на коллектив доносит исправно – по пятницам после восемнадцати ноль-ноль.

Все бы хорошо, да только вот...

– Ксюшенька... – Марианна медленно потянула из пачки тонкую сигаретку.

– Да, Марианна Степановна! – девушка выпрямила спину, встав по стойке «смирно».

– Тебе бы пора поменять прическу.

Сказала именно так, что Ксюше сразу стало понятно – не обсуждается, это приказ.

– А что вы хотите, чтобы я сделала со своей головой?

– С головой? – Марианна надменно усмехнулась. – С головой у тебя пока все в порядке, надеюсь. Я говорю о твоей прическе.

– Простите! – симпатичная мордашка окрасилась розовым. – Простите, Марианна Степановна! Что вы хотите...

– Я хочу, чтобы ты избавилась наконец от этой конской челки. Что в самом деле за идиотизм?!

Ее голос начал набирать гневные обороты, а внутри все клокотало: ага, она вычислила еще один раздражающий фактор, требующий немедленной ликвидации.

– Хвост какой-то несуразный! Челка! Уши торчат! Серьги носишь цыганские! Воспитываешь тебя, воспитываешь, все одно – твое плебейское нутро найдет выход. – Ее правая рука, аккуратно пристроив сигарету на выемке пепельницы, лениво перебирала визитки. – Сейчас я тебе порекомендую одного очень хорошего мастера. Созвонись, скажи, что от меня... Завтра чтобы...

– Простите, Марианна Степановна. – Ксюша судорожно сглотнула, сцепив трясущиеся пальцы. – А вдруг он будет занят вечером?

– Меня это не волнует.

Визитка нашлась наконец и заскользила по полировке длинного стола для переговоров в сторону входной двери, у которой тряслась перепуганная насмерть секретарша.

– Скажешь, что от меня, он не откажет. Все, ступай. Да... – Марианна досадливо нахмурилась. – Скажи Аллочке, пускай войдет. Только предупреди ее – у меня ровно десять минут и ни секундой больше.

Ограничивать собственную дочь во времени стоило. И стоило сообщить ей об этом именно через секретаря. Иначе...

Иначе будут долгие разговоры о материнском долге, вернее, о неисполнении оного. Крики, вопли, даже слезы.

Нет, вот сколько раз она говорила ей:

– Детка, учись контролировать себя! Учись управлять эмоциями. Они же подконтрольны!

– А если нет, что тогда? – отзывалась дочь, пошедшая бунтарским норовом в своего папашу.

– Нужно вычислить просто, что конкретно тебя не устраивает, и избавиться от этого, – пыталась Марианна навязать ей свой принцип устранения раздражающего фактора.

– А если весь мир – говно! – принималась тогда орать Алла, вскакивала и носилась, носилась вокруг нее бешеной пчелой. – Если все вокруг не устраивает, что тогда, мамуся?! Взорвать все, да?! Пустить все и всех под откос?! Так же нельзя! Сегодня это раздражает, а завтра нет...

Такое вот было у ее дочери Аллы в голове. Все сумбурно в мозгах, неуравновешенно, не определено до сих пор. Точь-в-точь папаша ее идиотический, не сумевший ничего совершить в своей жизни. Даже дожить до совершеннолетия собственной дочери не сумел.

– Мать, привет.

Дочка холодными губами клюнула ее в щеку, увернувшись от ее поцелуя. Развалилась на кожаном диване у противоположной стены. Минут пять смотрела на мать с непонятным вызовом, потом проговорила со скорбным вздохом:

– Мать, мне нужны деньги.

– Какая новость! – Марианна холодно улыбнулась. – Они тебе всегда нужны. Что на этот раз стряслось? Кому нужен адвокат? Степе? Или, быть может, тому безработному, как его...

– Прекрати немедленно! – Алла тут же повысила голос, не дождавшись окончания. – Вечно ты начинаешь! Мне! Мне нужны деньги, а не моим друзьям.

– Зачем и сколько? – сразу перешла к делу Марианна, потянувшись за второй сигаретой.

Пора было бросать курить. Давно было пора, и врачи рекомендовали, и сама понимала. Но не могла пока себе этого позволить. Не могла! Еще оставались у нее в душе тонкие уязвимые струны, которые звенели и болезненно ныли, когда за них дергали. В такие моменты сжималось сердце, которое все давно считали окаменевшим. Глаза наполнялись слезами, хотя Марианнину способность прослезиться давно все ставили под сомнение. А под коленками становилось колко и холодно, будто кто-то приложил туда по громадному куску льда.

Сигарета ее спасала. Помогала застилать глаза дымом, чтобы не было видно, как они внезапно увлажняются. Исчезала предательская ломота под коленками. И сердце ныло уже от никотина, а не от горечи.

Потому и закурила снова, хотя позволяла себе обычно не более одной сигареты в полтора часа.

– Мне нужно много, мать.

Алла специально широко разбросала ноги, чтобы позлить ее, знала же, как она не любит вольные позы. Называется, пришла денег просить! Могла бы и соблюсти приличия.

– Много – это сколько?

Марианна ткнула ополовиненную сигарету в пепельницу. Не помогало!

Не помогал сигаретный дым бороться со скотством, изрыгаемым собственной дочерью. Какой же все-таки выродок получился от их с Пашкой пламенной любви! Как они ждали первенца, как надеялись, что родится мальчик. Сколько имен придумали для него! Спорили, помнитесь, даже скандалили иногда. Марианна хотела Глеба. Павел – непременно Альберта. Родилась Алла...

Нет, ее рождению тоже радовались, хотя и скрывали украдкой друг от друга легкое разочарование. И первый шаг ее привел их в неопикуемый восторг. Павел тут же помчался в дежурный магазин за шампанским. Марианна нянчилась. Потом долго укладывали дочку спать, поочередно напевая колыбельную. А потом сидели вдвоем за большим столом в гостиной и пили бокал за бокалом и за ее здоровье, и за красоту, и за ум, и за удачливость.

Красотой и здоровьем Создатель Аллу не обидел. Высокая, длинноногая, со стройной ладной фигуркой, очень привлекательным лицом и удивительными карими глазами. Но вот с умом обнаружили проблемы. И обнаружили в самый неподходящий момент, как раз после того, как Павла нашли мертвым на набережной. Врачи констатировали сердечный приступ и смерть от переохлаждения. Дочери бы поддержать мать, которая была просто раздавлена этой внезапной кончиной, а она...

– Это он из-за тебя умер, из-за тебя! – упрекала она со слезами и швырялась в Марианну учебниками, собиралась ведь школу в тот момент бросить, да. – Ты его довела! Он бы никогда не ушел из дома таким расстроенным и не замерз бы, когда с сердцем плохо стало, а ты... Ты его выгнала!..

А Марианна и не выгоняла его вовсе в тот вечер. Да, они повздорили. Но и раньше такое случалось. Да, она указала ему на дверь. Так первый раз, что ли! И уходил он до того в ночь не единожды. Но ведь всегда возвращался!

Алла после смерти отца очень быстро покатила по наклонной вниз. Так стремительно, как дочь, еще ни один человек не скатывался на глазах у Марианны. И главное – она ничего не могла с этим поделать! Пыталась бороться, запирает ее, так она вообще ушла из дома и пропала на две недели, пока с милицией ее не привели обратно. Марианна пыталась достучаться до Аллы нравоучениями. Так только «достала» ее – это цитата. Пыталась начать, наоборот, баловать. Та вообще обнаглела.

Теперь вот снова денег просит. И на этот раз очень много денег. Интересно, сколько?

Алла подошла к столу матери. Выдернула из настольного прибора листок для записок, быстро черкнула на нем карандашом и пододвинула его к матери.

– Ты собираешься?.. – даже уравновешенность ей не помогла, губы тут же задрожали от бешенства. – Ты собираешься купить микрорайон в нашем городе, дорогая?

– Ой, вот только не надо умничать, мама! – тут же взвилась дочь, возвращаясь на диван и усаживаясь в той же отвратительной позе. – Деньги мне нужны, чтобы открыть свой бизнес.

– Бии-иизнесс??? – Марианна даже поперхнулась, чего никогда раньше не случалось. – Какой бизнес??? По клонированию таких же, как ты, бездельников? Или...

– Ма, я хочу салон красоты, – с ухмылкой перебила ее Алла и взглянула на часы: – Мое время, кажется, истекло. Твоя рязанская корова четко дала мне понять, что ты меня больше десяти минут терпеть не будешь. Все, пока! Деньги мне нужны уже через неделю. Изыщи возможность...

Глава 2

– Приемная, – удушенным голосом отозвалась Ксюша на неожиданный в начале седьмого телефонный звонок.

Обычно к этому времени все телефоны замолкали. Ни свои, ни чужие не звонили, прекрасно зная суровый нрав хозяйки фирмы, установившей строгий распорядок рабочего дня. Как для своих, так и для чужих.

Секретарша должна была покинуть свое рабочее место через три с половиной минуты после того, как подол юбки ее работодательницы исчезал за дверью приемной. Сегодня Ксюша непростительно замешкалась. А все из-за прически! Точнее, из-за звонка порекомендованному Марианной дамскому мастеру. Тот сначала очень долго не отвечал, потом был вне зоны доступа, а потом просто рассмеялся ей в ухо и деликатно послал куда подальше, сославшись на занятость.

Она ведь так и знала! Так и знала, что все именно так и будет. Нет, пристала! Ступай непременно к этому мастеру и избавься от челки. А куда она ее денет, челку-то? Вовсе сострижет? И на кого тогда будет похожа? У нее же лоб некрасивый. И прыщики на нем то и дело выскакивают. Только челка и спасала. Теперь вот надо что-то придумывать, куда-то бежать, искать мастера, чтобы сотворил с ее головой... нет, снова оговорилась, с ее прической чудо чтобы сотворил!

А куда бежать?!

Бежать было некуда, потому что не было у Ксюши в этом городе знакомых хороших парикмахеров. А челку она сама перед зеркалом в ванной подравнивала. И вообще не было никого в этом городе. Ни родных, ни знакомых. Родственников понятно почему – все остались за Уралом. А вот что касается знакомых, так их не имелось вовсе не потому, что Ксюша тяжело шла на контакт, а потому что Марианна не приветствовала.

– Зачем тебе подруги? – выгнала она дугой идеальной формы бровь. – От них морока одна и предательство. А если время свободное занять нечем, так я тебе его работой забью дальше некуда. И досуг твой весь сведется к тому, чтобы успеть принять душ, покушать и поспать. Подруг ей подавай!..

Ксюша подчинилась, отказавшись дружить и с Тамарой из отдела сбыта, и с Лоркой, которая жила этажом ниже в такой же однокомнатной квартирке, что и она. С той лишь разницей, что у Лорки квартира была в собственности, а Ксюша жила в своей на птичьих правах. Пока работала у Марианны, та позволяла ей жить в одной из своих квартир, которых по городу...

Приходилось терпеть, подчиняться, выполнять дурацкие приказы и избегать общения с людьми. Ну и врать соответственно приходилось тоже, потому что совсем-то она не могла жить в полной изоляции. Пускай подруг у нее не было, а вот друг...

– Привет, Ксюня! – тихо поприветствовали ее на том конце провода. – Ушла? Видел, можешь не отвечать. Видел, что ушла.

– Ушла, – со вздохом подтвердила Ксюша.

– А чего тогда так печалишься? Радоваться должна! Сегодня же четверг! Завтра уже пятница. Осталось терпеть-то... Проведем все выходные вдвоем. Запремся и никого не пустим. Только ты и я, больше никого! Мы же договаривались, помнишь?

– Помню, – Ксюша снова вздохнула. – Только до выходных еще далеко, еще завтрашний день пережить нужно.

– И что?! – не понял Саша Сурков, возглавляющий у них на фирме охрану. – Она с утра должна в мэрию отправиться, уже заказано сопровождение, потом у нее встреча с клиентами в кабаке на набережной, так что... Почти весь день видеть ее не будешь.

– А с утра!.. – ее голос начал набирать силу. – А с утра я должна предстать перед этой сукой, Сашка, с новой прической! И сделать ее должна у какого-то гомика, который открыл недавно салон возле собора и который послал меня сейчас на все четыре стороны. Что делать?!

– Ох, господи! – ахнул Саша, моментально поняв серьезность ситуации, в которую попала его девушка. – Что делать-то, Ксюш?!

– Не знаю!

– А только у него надо прическу сделать?

– Да! И сам знаешь, это не обсуждается. – Ксюша сунулась в крохотное зеркало от пудреницы и потеряла челку. – И чего пристала? Челка как челка! Конская, говорит!

– Она сама кобыла Пржевальского! – тут же взвился Сурков. – И когда только угомонится! Не к одному, так к другому придерется. У меня из охраны двоих со свету сжила. Одного за то, что крошки у него на брюках вечно были. Второго... Второго за усы, Ксюш, представляешь?! Домоталась до его усов, пускай, говорит, сбреет. А тот ни в какую, шрам, говорит, на верхней губе. Лучше, говорит, уволюсь.

– И уволился?

– Да. Настырным оказался.

– Но я-то уволиться не могу, Саша. – Ксюшин голос дрогнул. – Ты же понимаешь, что я тогда окажусь на улице! И она ведь сделает, что меня больше никто не возьмет на работу! Никто в этом городе! Что делать?! Что делать, Саша?!

– Да-а, – Сурков задумался. – Хоть киллера нанимай для этой суки. Сил просто нет терпеть ее художества. А что, если завтра ты не придешь подстриженной, она тебя...

– Да запросто! – перебила его Ксюша. – Либо выгонит тут же, либо сама возьмет ножницы и отстрижет! Помнишь, как она хлястик на пиджаке у Сметаниной откромсала прямо посреди совещания?

– Еще бы не помнить! Ужас какой был!..

Валечка Сметанина, работающая в конструкторском отделе, отличалась экстравагантностью вкуса. Любила крошечные юбочки, такие же кургузые блузки, пиджачки. Вязаные кофточки заканчивались у нее под лопатками. Все носилось в жуткую обтяжку, благо формы ее позволяли их подчеркивать. И все было бы ничего, не попадись она однажды в одном из своих не очень удачных одеяний на глаза Марианне.

– Валентина, вам нужно избавиться от этого пиджака. – Красивые длинные пальцы Марианны подергали за нежно-розовый вельвет рукава. – Слишком коробится ткань, слишком! И хлястик этот непонятный... Он ведь должен находиться на талии, а он у вас, Валентина, чуть ниже седьмого шейного позвонка. Избавьтесь от пиджака...

Валечка прыснула за спиной Марианны в ладошку, покрутила пальчиком у правого виска и забыла уже через десять минут о требовании хозяйки и директрисы в одном лице. А через день та созвала какое-то экстренное совещание, на котором надлежало быть и Валечке. Вызванные ввалились в кабинет шумной толпой, расселись за столом для переговоров, разложили перед собой письменные принадлежности и выжидательно уставились на Марианну.

Странно, но та непривычно молчала и ни на кого, кроме Сметаниной, не смотрела. Смотрела причем она на нее нехорошо: в упор и не мигая. Слава о таком ее змеином взгляде давно шла недобрая, поэтому сдавленные смешки и разговорчики стихли мгновенно. Одна Валечка Сметанина пребывала в эйфорической непонятливости.

– Марианна Степановна, мне начинать? – безмятежно улыбнулась она, сочтя, что пристальный взгляд Марианны – это призыв к началу совещания, и только-то.

– Сейчас начнем, – кивнула Марианна с леденящей душу ухмылкой.

Тут же поднялась с места, выхватив из настольного прибора канцелярские ножницы, подошла к Валечке, наклонилась над ней и откромсала ей хлястик на розовом вельветовом пиджаке.

Все обомлели.

– Я же сказала вам, кажется, что хлястик этот выглядит нелепо, – сытой кошкой промурлыкала Марианна, швыряя отрезанный хлястик Валечке на коленки. – И попросила избавиться. Неужели непонятно?..

Валечку Сметанину потом долго отпαιвали валерьянкой, гладили по плечу, утешали, как могли, и в темных закоулках длинных извилистых коридоров обсуждали свистящим шепотом этот ужасный случай.

Вывод оказался неутешительным для Валечки. В случившемся инциденте все единогласно обвинили ее.

– Нечего было на рожон лезть!..

– Марианна ведь попросила ее, чего было выпендриваться?..

– Тоже мне, законодательница мод, как напаялит на себя что-нибудь...

– И язык должна была держать за зубами, а то: мне начинать? Вот и начала, инициативная наша...

Приблизительно так жужжали потом в конторе недельки через три, когда отыскивали наконец виновного. И даже если у кого-то в глубине души и имелись сомнения насчет правомочности действий Марианны, то они выше этой самой глубинной отметки не поднялись.

Ее все ненавидели! И в то же время места своего каждый боялся лишиться. Потому что Марианна хоть и была отъявленной сволочью, сволочью была справедливой и отзывчивой. Платила хорошо, регулярно повышала зарплату, стимулировала отличившихся щедрыми премиальными. А если у кого случалась беда или семейные неприятности, тут же помогала либо непонятно откуда взявшимися отгулами, либо транспортом, либо путевками, либо деньгами на лечение или обучение.

Такой необъяснимой щедростью мало кто мог похвастаться. И те из сотрудников, кому довелось познакомиться с методами правления других работодателей в их городе, про Марианну ничего, кроме хорошего, не говорили.

Во всяком случае, Ксюша ни разу не слышала ни одного гадкого слова в адрес своей начальницы. Ни одного, как бы ни старалась она по заданию Марианны разговорить собеседника. Все держались насмерть, на провокации не поддавались и изо всех сил нахваливали директрису.

И как теперь на общем фоне всепоглощающей любви к Марианне было Ксюше ей не подчиниться?! На союзников-то рассчитывать не приходилось.

– Да-а... – снова с тоской протянул Сурков и засопел и зашептал тут же: – Хоть бы прибил ее кто, что ли!

– Кто?! Кто решится, Саша? О чем ты?!

– Да она каждому как гвоздь в одном месте! – возразил Саша.

– Ага, а ты сам-то об этом слышал? Никто ведь и никогда об этом не говорит! Дома если только, шепотом, и то под одеялом. Такая...

– Страшный человек, – согласился Саша. – Но делать нечего, Ксюша, надо выпутываться. Ты давай сворачивайся там и выходи. А я пока сестре своей позвоню, может, она что-то придумает. У нее много знакомых в городе. Собирайся пока.

Ксюша осторожно устроила трубку на аппарате. Прежде чем выйти из кабинета, долго смотрелась в зеркало. Вздыхала, трогая густую, аккуратным валиком уложенную челку. Потом бросила привычно настороженный взгляд на дверь директорского кабинета, подхватила сумочку, выключила свет и направилась к выходу.

Саша Сурков должен был ждать ее за квартал от здания фирмы. Там между двумя магазинами имелся сквозной проезд к трем домам. Вот возле одного из подъездов он ее всегда и ждал. Такие меры предосторожности нужны были им обоим. Ксюша пряталась от Марианны.

Саша прятался от нее же и от общих с его женой знакомых. Приходилось осторожничать, одним словом, сразу по нескольким причинам.

Ксюша кивнула охраннику у выхода из здания. Сдала пропуск, вышла на улицу и тут же поспешно полезла за зонтом. Холодная мгла, окутавшая поутру город, разошлась неслабым дождем, споро щелкающим по ледяным лужам острыми каплями-иглами. Ветра не наблюдалось, но воздух вечера был настолько стылым и промозглым, что казалось, еще немного – и скует все вокруг хрустким панцирем первого льда.

Она шла скорым шагом, ежась от холода и перескакивая через лужи, и чтобы хоть как-то себя отвлечь, принялась потихоньку мечтать.

Мечты ее были грязными и запретными, и поэтому о них никто, кроме нее, не знал. В них было много подлого и преступного – в ее мечтах. Разве могла она этим с кем-то поделиться?! Нет, конечно. Ее бы сразу осудили, а то еще, чего доброго, нашли способ донести Марианне. А это верная Ксюшина погибель, ведь она ни о чем другом и не мечтала, только о смерти Марианны Степановны. О внезапной, скоропостижной, непредсказуемой гибели этой страшной гремучей гадины, превратившей ее – Ксюшину – жизнь в постоянный неподконтрольный кошмар.

Если Марианны не станет, то все моментально в Ксюшиной жизни наладится. Все! И даже квартира, в которой она проживала на птичьих, казалось бы, правах, достанется ей. Ведь она не была купленной и приватизированной, она – эта квартира – находилась в муниципальной собственности, и там прописаны были всего два человека: сама Марианна и Ксюша. Ей рассказывал кто-то, что с этой квартиры и началась Марианнина жизнь в этом городе. Будто кто-то, то ли бабка, то ли тетка старая, прописала ее туда, потом умерла.

С годами карьера Марианны резко полезла вверх, она начала обрастать средствами, недвижимостью, домами и дачами, но вот эту квартирку на окраине почему-то не трогала, но и не спешила заполучить в собственность, хотя могла это сделать сотни раз. Зато Марианна осталась в ней прописана, прописав потом туда и Ксюшу.

И вот если бы теперь с Марианной случилась какая-нибудь беда, то Ксюша моментально перестала бы быть бездомной. Она так и осталась бы жить в однокомнатной квартире. И никто, никто – ни наследники, ни муниципалитет – не смогли бы ее оттуда выдворить. Потому как прав у них на это не было бы. Первые не могли наследовать не принадлежащую их матери, тетке, сестре и так далее собственность, а вторые не имели права выписать Ксюшу. А со временем бы она, глядишь, и выкупила бы квартирку у государства. Устроилась бы на другую, более высокооплачиваемую работу, скопила бы денег. А там, глядишь, и Саша Сурков к ней бы перебрался. Хотя...

Хотя об этом мечтать не стоило. Провести всю оставшуюся жизнь с Сурковым Ксюша не хотела. Зачем ей муж со шлейфом из бывшей жены и двоих детей в придачу? Они ведь не оставят его в покое. Станут звонить, постоянно просить денег, напрашиваться в гости. Нет, она так не хочет. Насмотрелась в своем родном городе на подобную канитель у двоюродной сестры. Нервы одни, а не жизнь.

Саша хороший, конечно. Понимающий и ласковый. Но в то же время издергался весь. И ее-то ему жалко и вечно видеть хочется. И жена внимания требует, и с детьми погулять чуть не позабыл. Испрыгался, одним словом, из постели в постель. Изоврался. Ему ведь и Ксюше приходится врать, да. А как иначе, если собирались вместе провести выходные, а жена, к примеру, неожиданный поход за город выдумала. Начинал скулить про маму, тещу, про несвоевременную поломку в машине или что-то типа того.

Как так можно жить, Ксюша не понимала. Но и не гнала его. Тогда ведь и вовсе одна осталась бы. С кем тогда про Марианну злословить? К чьему плечу голову прислонить? Да и привыкла уже к нему за полгода-то...

Она миновала поворот, вошла под арку сквозного проезда и вдруг не увидела машину Суркова на привычном месте. Перепугалась даже, не случилось ли чего, договаривались же!

Осторожно высунула нос из-за угла ближайшего дома, осмотрела двор. Ну не было машины, не слепая же!

Быстро полезла в сумочку за мобильником, но Сурков ее уже опередил. Сам позвонил.

– Ксюха! – зашипел он с азартом. – Давай назад поворачивай. Я возле магазина.

– А что случилось? – опешила она. – И разве можно тебе у магазинов-то светиться? Вдруг кого знакомого встретишь?

– Уже встретил! – хохотнул Сурков и тут же заторопил: – Давай скорее! Не мешкай!

Ксюша почти бегом бросилась обратно. Увидела чуть дальше входа в супермаркет его темную «десятку». Быстро дошла, привычно осмотрелась по сторонам, нырнула на пассажирское сиденье рядом с водителем, захлопнула дверь и только тогда перевела дух, спрятавшись за плотной тонировкой стекол.

– Ну, блин, Сашка, все здоровье потеряешь с твоей конспирацией!

– А с твоей нет? – Сурков тут же полез рукой ей между коленок. – Ты, типа, не боишься на суку свою нарваться!

– Она такая же моя, как и твоя, – возразила с утробным смешком Ксюша, забрасывая сумочку на заднее сиденье.

– Меня она что-то не прописала к себе, а тебя вот прописала! – досадливо прищелкнул языком Саша, заводя машину и выезжая со стоянки.

– Эта прописка, Сашок, рабское клеймо на моем горбу. – Она со вздохом убрала его обнаглевшую руку, уложив ее на рычаг передач. – Стал бы кто еще так перед ней унижаться, как же! А тут приехала глупая девчонка из глухого уральского городка. Смотрит в рот, согласно кивает, улыбается, когда нужно...

– Думаю, что таких, как ты, очень много, деточка. – Сурков, притормозив на светофоре, загадочно ей подмигнул. – И которые не только улыбаются и согласно кивают, но еще и из страха перед ней еще и в койку к ней лезут.

– Да ладно! – недоверчиво фыркнула Ксюша.

Представить себе Марианну в чьих-то объятиях было для нее невыносимо сложно. Разве что Железный Дровосек смог бы стать ей достойной парой. Обнимались бы, поскрипывая металлическими латами своих бронированных сердец.

– Она не способна, мне кажется.

– Не способна на что? – Обычно простецкая физиономия Суркова сделалась невыносимо загадочной.

– На отношения. Она какая-то вся... Ни улыбаться толком не умеет, ни плакать, и любить тоже...

– Зато может заставить любить себя!

– Да ладно тебе! – разозлилась теперь уже Ксюша. – Как можно заставить себя любить?! Скажешь тоже! Мне кажется, даже ради денег сердцу не прикажешь. Можно притворяться, делать вид, ну, я не знаю, но искренностью там ведь и не пахнет, в таких отношениях. Да и некогда Марианне этим заниматься, Саш! Она не верит никому – раз. Она не станет содержать альфонса – два. Да и ее никто не способен полюбить – три! Даже собственная дочь ее ненавидит, а что уж говорить о мужчинах!

– И все же, и все же, и все же, – дурашливо пропел Сурков, вильнув в ближайший к Ксюшиному дому проулок, через который можно было незаметно пробраться к ее подъезду, спрятав машину между торговыми палатками. – Ничто человеческое никому не чуждо! Даже таким железным леди, как Марианна! И она любит! И, думаю, ее любят!

– Да ладно! – как заведенная снова не поверила Ксюша и ткнула Суркова в плечо: – Издеваешься надо мной, да? Ты мне лучше скажи: нашел мне дамского мастера или нет?

– Нашел, нашел. Подойдет прямо к тебе домой минут через тридцать. Так что нам с тобой придется поторопиться, деточка...

Пробирались они на квартиру к Ксюше привычными перебежками. Сначала она: от торговых палаток до песочницы, потом до столика с лавками, потом до клумбы и следом уже до подъезда. Потом он таким же путем, только с видом более независимым, будто он тут сам по себе, а не с кем-то. И вообще прогуливается, а не на тайное свидание приехал.

Спроси их – к чему такие нелепые меры предосторожности, если весь подъезд знает о том, что к Оксанке женатый мужик хаживает, – они бы не нашлись, что ответить.

– Ну! И кто же такой влюбленный в нашу стерву, Саш? – тут же, едва они вошли в ее квартиру, принялась отбиваться от его настойчивости Ксюша. – Нет, ты мне сначала скажи, а потом уже... Ну, Са-ша-а! Ну, скажи! Растравил, а теперь отмалчиваешься! Да не тяни ты так свитер, блин, там сзади три пуговички есть!

– Давай сама, Ксюш, – пыхтел Сурков, пуговички оказались крошечными и все выскальзывали из его грубых пальцев. – Давай, а то времени в обрез!..

– Саш, ну кто он? Ты ведь видел там кого-то, потому и слинял? – Она расстегнула тугую горловину на свитере и начала выдергивать руки из рукавов. – Кого видел-то?

– Да Ярика Лозовского, кого же еще она могла выбрать, эта старая сволочь! А мне не раз намекали, а я все не верил, – сдался Сурков, подхватив тут же Ксюшу под руку и потащив ее в комнату. – Сначала он прошел. А потом она. Все время оглядывалась.

– Он тоже оглядывался? – уточнила Ксюша, с досады закусив губу.

– Ему-то зачем оглядываться! Он свободен в выборе! – Сурков запутался в штанинах и отвлекся от разговора, чуть не свалившись на пол.

– А ей что?

– Ну, как же! Все о престиже своем печется. Говорят, губернатор давно ее в жены звал. Как, говорят, овдовел, так и звать начал. Все капиталы хотел объединить. А она вроде – не время еще. Он будто ждет до сих пор. А она вот с Лозовским!

– Выбрала тоже! – прошептала Ксюша, с неприязнью покосившись на Сашу Суркова.

И до чего же неловкий! Штанов красиво с себя и то снять не может, куда уж свитер с нее с узким горлом, застегивающимся всего на три пуговички.

Понесет ей пить, непременно половину бокала расплескает. Станет открывать шампанское, пеной весь потолок в кухне уделает. В винные пробки у него вечно штопор не лезет. Тот еще герой-любовничек! И как с ним жена живет, непонятно! Чудаковатый мальш, что и говорить. Чудаковатый и нелепый. Не то что Ярик Лозовский.

Правильнее – Ярослав Всеволодович Лозовский.

Яриком его все больше старые знакомые называли, к которым вот и Сурков прибился тоже. А все остальные, включая Марианну и ее секретаршу, по имени и отчеству величали. Ксюше, например, нравилось, как весь этот буквенный набор звучал. Красиво и величественно. И она иногда без особой нужды названивала Лозовскому в юридическую службу и приставала с ненужными вопросами, с певучей тщательностью выговаривая его имя и отчество.

– Ярослав Всеволодович, а Марианна Степановна к вам в отдел не заходила?..

– Ярослав Всеволодович, никто из бухгалтерии не был у вас?..

– Ярослав Всеволодович, пиццу принесли, вам оставить?..

А он ведь ей нравился, наверное. И очень нравился, раз такой противной черной желчью налилось все внутри, когда она узнала про него и Марианну. Ведь шептались не раз в курилке, а она не верила. Думала, брехня все. Зависть людей точит.

Неужели правда, а?! Неужели неприступный красавчик Лозовский ее любовник?! Холеный, шикарный, высокий, молодой(!) – ведь ему даже тридцати еще нет – и любовник этой старой мегеры! Как же...

Как же она посмела?! Как могла купить его?! Чем?! Деньгами?! Так, по слухам, у Лозовского весьма и весьма состоятельные родители. Помогают ему. В прошлом году прямо в самый канун Нового года подарили ему квартиру в центре.

А-ах!!! А может, это и не родители вовсе, а эта старая злобная карга его задаривает?! А все рассказы про родителей и их баснословное состояние – всего лишь вымысел, не более?! Удачное такое прикрытие, чтобы не судачили и не шептались по углам.

– Слушай, Саш, а куда это они направлялись?

– Кто? – Он, конечно, ничего не понял, уже начав думать о другом и успев натянуть брюки до коленок.

– Ну, эти двое: Марианна и Ярик? К кому они в тот дом направлялись?

– Так у стервы там на восьмом пол-этажа выкуплено. Не знала, что ли?

– Нет.

– Мы ее еще сопровождали, когда она с наличкой на сделку ездила. Клиент ни в какую не хотел по перечислению. Налогообложения все боялся. Просил наличными. Она и поехала, а мы сопровождали, когда она покупку оформляла.

– Так чего же мы тогда под ее окнами все время встречались, дурак?! – зло заорала на него Ксюша и лягнула ногой по голой спине.

– А то, что еще в прошлом месяце там кто-то жил. Сдавала она апартаменты свои, поняла? – Он обиделся. – Разбрыкалась тут! Одевайся ваще, сейчас цирюльник твой придет...

Глава 3

Он больше не любил ее уязвимое, тайное, тщательно сокрытое ото всех!

Он больше не любил так пленившую его ее незащищенность. Пожалуй, это единственное, что он вообще в ней любил когда-то. Больше-то любить оказалось нечего. Все остальное оказалось именно таким, каким виделось и остальными. Жестким, несгибаемым, суровым и бессердечным даже. А эта ее незащищенность...

Она оказалась мимолетной всего лишь. Едва заметной. Оттого, возможно, и ударила ему в сердце, как электрический разряд. И он, дурак, лопух, идиот последний, ощущал себя в тот момент самым храбрым, самым сильным, самым достойным нести на руках такую великую женщину, как Марианна.

Все произошло совершенно случайно, потому, наверное, что должно было произойти. Он возвращался от друзей. Поздно было уже, кажется, двенадцатый час ночи. И увидел, как Марианна, оставив машину на парковке, медленно движется к своему подъезду. Увидел и привычно перепугался. Потому что ее все боялись, все! Он тут же сунул в рот два кубика жевательной резинки, потому что выпил. И ведь даже подумать не успел, что рабочий день давно закончен и он волен поступать, как ему хочется. Не успел, инстинктивно напрягшись и тут же поспешив зажевать выпивку.

Она шла к среднему подъезду, он – от угла дома. Он ее видел, она его – нет. Она, кажется, в тот момент вообще никого и ничего перед собой не видела. Шла, низко опустив голову, и о чем-то размышляла. Потому, наверное, и пропустила тот момент, когда сзади на нее налетел пьяный высокий мужчина и начал выдергивать у нее из рук сумку. Обычно-то Марианна никогда ничего не пропускала. Обычно всегда играла на опережение. А тут с железобетонной леди вышел конфуз. Тут не углядела. Тут вдруг оказалась вполне обычной растерявшейся, перепугавшейся бабой, истерично всхлипывающей, прижимающей к себе сумку и пятившейся от хулигана.

Вот тогда-то Ярослав Всеволодович Лозовский, боявшийся Марианну Степановну Волину наравне со всеми, впервые посмотрел на нее как на женщину. Сначала как на перепугавшуюся женщину, а потом просто...

Она ведь упала, когда пятилась. Полы плаща распахнулись очень широко, а под ним оказались такие потрясающие ножки! И в чулках! Боже, кто бы мог подумать, что эта дама из стали, щелочи и ртути одновременно может носить чулки с подвязками и легкомысленными кружевными резиночками! И кто бы мог подумать, что у нее при ее несгибаемой воле, сволочном характере и змеином взгляде может оказаться такое шикарное тело. Его же никто никогда не видел. Правильнее, не замечал, невзирая на то, во что это тело было упаковано. Хоть золотым был фантик, хоть серебряным, начинка никого никогда не интересовала.

Ее не замечали, и все тут!

А он вот заметил, идиот!

Заметил, рассмотрел, благо на уличное освещение в этом районе городские власти не скупилась, оценил одним махом и тут же поспешил на помощь.

Все развивалось по традиционному сценарию. Он подбежал, съездил в ухо хулигану. Отобрал у него сумку, оттолкнул его подальше от Марианны, видимо, ее ноги не только Лозовскому понравились. С чего тогда недоброжелателю было перед ней на коленки становиться?

– Да бросьте! – всхлинула Волина минут десять спустя, роясь в сумочке в поисках платка. – Нужна я ему! Он на перстень нацелился, вот и... Господи, Ярослав, как вы вовремя! Если бы не вы!

Потом, уже много месяцев спустя, он часто мучился сомнениями. А не было ли то нападение на Марианну тщательно спланировано ею же? А не были ли ее слезы на его плече в

тот вечер притворством? И ее умоляющие глаза, когда он собрался уходить, и подрагивающий молчаливый рот, ее непривычное смирение, когда он все же остался, – не было ли все это тонкой, искусной игрой с целью завладеть им, закабалить его, вцепиться в него, застолбить на него право собственности?

Но это он потом мучился, а поначалу-то...

Поначалу был счастлив, да! Он был счастлив с этой женщиной! Он ощущал себя очень сильным рядом с ней. Сильным, мудрым, великодушным. А она виделась слабой, уязвимой, девочкой почти. Такой ведь ее никто до него и никто после него не знал и не узнает, думал он.

Все думают о ней вон как, а она-то, она! Она на самом деле совершенно не такая. Она из того же теста, что и все женщины. Так же может плакать, так же страдать, так же бояться. А жесткое поведение ее просто вызвано необходимостью. Она обязана быть такой, иначе ее сомнут жизненные обстоятельства. И люди, утрамбовавшиеся штабелями в эти самые обстоятельства, ее тоже сомнут. Ее жесткость – всего лишь маска! А на самом деле...

А на самом деле маской оказалась ее слабость.

Она же не могла быть слабой! По природе своей не могла! Такие страшные люди, как Марианна, уже рождались с металлическим клапаном в сердце и капроновыми венами. И с годами все это лишь закалялось и крепло, и не могло быть по-другому.

Она не способна была жалеть, это чувство вызывало в ней отвращение.

Она не способна была любить, она могла лишь обладать.

Она не способна была расстаться по доброй воле с тем, чем обладала, если все еще видела в этом для себя надобность.

Его милая, беззащитная девочка оказалась жутким чудовищем о трех головах!

А он ведь так и называл ее первое время – девочка моя. Полный идиот! А девочка была почти на девятнадцать лет его старше. И девочка за минувшие два года оплела его такими ядовитыми путами, в такой загнала угол, так сдавила его горло, что теперь...

Что теперь только смерть разлучит их!

Кажется, последнюю фразу он произнес вслух.

Ярослав оттолкнулся от подоконника, заметив из окна Марианну. Она шла, без конца оглядываясь. И все равно, кажется, просмотрела машину Саши Суркова, который на привычном месте ждал секретаршу Ксюшу. Кажется, только для одной Марианны и остались тайной их свидания. Она все еще пребывала в уверенности, что Ксюша полностью подконтрольна, послушна и девственна. Почему-то это для Марианны было очень важно: сохранить нетронутость этой девушки. Что-то такое, помнится, она бормотала когда-то в темноте спальни. Что-то про ее бедных родителей, которые отпустили девушку неизвестно куда, неизвестно зачем. Хорошо, мол, на нее – на Волину – попала. А что было бы, попадись Ксюша к прожженным сутенерам? Пропала бы! Пропала, сгнула, погибла. А так...

А так, вопреки всем Марианниним представлениям, Ксюша трахается с женатым мужчиной, у которого двое детей. Встречается с ним на квартире, которая ей не принадлежит. Люто ненавидит свою благодетельницу. И так же, как трое из пяти, желает ей скорой смерти.

Лозовский прошелся по комнатам, пока Марианна, соблюдая все меры конспиративной предосторожности, медленно поднималась по лестнице на восьмой этаж. Почему не ехала лифтом? Да потому что идиотически считала, что в лифте нарваться на знакомых вероятности куда больше.

Чего она, спрашивается, боялась? Это постоянно его бесило. Не замужем была. Он тоже не женат. Никаких преследований быть не могло как со стороны ее воздыхателей, так и со стороны его воздыхательниц. О каком-то там предложении руки и сердца губернатора, о котором трепались девчонки в бухгалтерии, и о возможной обиде со стороны отвергнутого Лозовский ничего не слышал. И считал, что все это брехня. Может, кто со скуки выдумал. А может, Мари-

анна сама сплетню пустила через секретаршу свою, чтобы цену своей затухающей красоте в его глазах поднять.

Кто знает, кто знает, как там было на самом деле. Но вот шорохалась всякий раз, как на свидание к нему ехала или шла, будто и вправду чего боялась.

А может, она осуждения страшилась, а? А что? Чем не вариант? Общественность, мнением которой Марианна весьма дорожила, не встала бы на ее сторону, узнай, что уважаемая матрона спит с мужчиной, смело годящимся ей в сыновья. Осудили бы стопроцентно. Она бы не пережила! Она бы стала мучиться, оправдываться исподволь, подкупать всякие местные газетенки, рассыпалась бы в благотворительных жестах.

– Одно притворство! – с брезгливостью выдохнул Лозовский, падая в кресло. – Поганое, застарелое притворство! Как же все это надоело, господи! Как же...

– Ты чего это бормочешь, милый?

Он вздрогнул, услышав за спиной ее вкрадчивый ласковый голос. Всегда вот так: неслышно, как змея, подползет и застанет его в самый неподходящий момент. Он даже не слышал, как дверь отворилась.

Лозовский оглянулся, осмотрел Марианну с головы до ног, кивнул, приветствуя, будто и не торчал сегодня у нее перед глазами весь рабочий день. Потом все же через великое не хочу выдал из себя улыбку и пробормотал:

– Да так...

– А все же? Я слышала что-то про притворство, воззвание к господину нашему... Так что случилось?

Марианна великолепным неподражаемым шагом от бедра обошла кресло, в котором горбился теперь Лозовский. Села в кресло напротив, закинула ногу на ногу, сцепив на коленях пальцы. Глянула на него так, как только она могла смотреть, – уничтожая и будоража одновременно. И заговорила медленно, с угрожающим холодком:

– Милый, ты хотел что-то сообщить мне, кажется. Ты очень настаивал. Ты буквально сорвал мне важную встречу. Ты даже не согласился встретиться на привычном нашем месте, а вызвал меня сюда! Сюда, буквально под самый нос всех сотрудников нашей фирмы и...

– Ты что же, думаешь, что никто о нас с тобой не знает?! Ты всерьез полагала, трахаясь со мной почти два года, что никому о нашем романе неизвестно?! Ну ты тогда вообще, Марианна! У меня просто слов нет!

Он перебил ее впервые. Никогда прежде не позволял такой вольности. Даже в те моменты, когда готов был стиснуть пальцы на ее ухоженной шее, не позволял ни грубости, ни хамства. А тут вдруг решился. Да и пора уже. Давно пора. Сколько можно терпеть?!

– А кто мог знать о наших отношениях?

Выражение лица, взгляд, тон – ничего в ней не изменилось. Так, легкая бледность припудрила ее лицо, и только-то.

– Все! Все, Марианна!

– И Ксюша? – почему-то о первой в этот момент она вспомнила о своей секретарше.

– И Ксюша в том числе! – Он подавил мстительный смешок, хотя не знал наверняка, известно ли Ксюше. – И Тамара! И Валечка Сметанина, и...

– И Алла?! – глаза у Волиной потемнели, хотя темнее быть вроде и не могли, и так от природы карие.

– И Алла, дорогая моя. И твоя дочь тоже знала о нашем с тобой романе. И неоднократно подшучивала надо мной.

Ярослав все же нашел в себе силы сдержаться и не начать ей выкладывать всю правду целиком прямо тут же.

И про Ксюшу, которая должна была, видимо, и умереть лет через сто в девственности. Но хорошо, вовремя спохватилась.

И про Тамару, которую Марианна из дружеских, распирающих ее чувств повысила до должности главного бухгалтера. И про то, что очень недалекого ума, ограниченная в бухгалтерских способностях Тамара вместо глубочайшего чувства благодарности ненавидела Марианну ничуть не меньше всех остальных.

И вообще про весь их дружный коллектив фирмы «Октава», который и дружен-то был лишь тем, что в открытую боялся, а тайно ненавидел свою работодательницу и благотельницу.

Она же...

Она же одной рукой давала – эта мудрая, умная, понимающая и сочувствующая женщина, а другой крепко держала всех за шиворот, чтобы, не упустив возможности, своевременно ткнуть носом в дерьмо. Многие же, начав подниматься, об этом забывали, так? И спешили забыть иногда преждевременно. А Марианночка-то никогда не забывала, голубка наша. Она всегда изыскивала возможность напомнить, причем в самые неподходящие моменты. Иногда даже прилюдно! Она знала обо всех тайных кнопках каждого. Обо всех! Каждого! И время от времени давила на них. Иногда бывало просто неприятно, но чаще всего больно.

И за что было ее после этого любить?! За что?!

И про Аллу еще очень хотелось бы Лозовскому ей рассказать. Открыть мамини глазки пошире. Лишить каких бы то ни было иллюзий относительно любимой доченьки. И рассказать ей и про шашни дочкины, и про преступные замыслы, и...

И добить ее тем, что поведать, как не раз сравнивал их: мать и дочь. И как находил во многом превосходство второй над первой.

– Кто рассказал дочери?

Так, голос сделался бесцветным, по признакам – жди беды.

– А я откуда знаю! – Ярослав стойко выдержал ее выедающий душу взгляд, потому что хотя бы здесь был перед ней честен. – Я не говорил, если ты это имеешь в виду!

– Я хочу знать: кто?! Кто рассказал моей дочери о нашем с тобой романе?!

Теперь голос Марианны Волиной звенел от гнева и обиды. Попадись сейчас ей под руку тот, кто выболтал Алке про их роман, от него бы даже кучки пепла не осталось.

Ярослав, конечно, догадывался, что без Тамары здесь не обошлось, но знать наверняка – не знал, потому и помалкивал. Вдруг человек невиновен, зачем тогда его сдавать?!

– Марианна, я не знаю.

Ярослав потянулся к ее сигаретной пачке. Раз уж она начала дымить, ему тоже можно. Это всегда служило ему позволительным сигналом. Сегодняшний день, хотя он и был для него особенным, исключением не являлся.

– Тебе нужно спросить у нее самой, только и всего. – Он по ее примеру занавесился от нее дымом.

– Только и всего?! – с глубокой иронией переспросила она и вдруг начала расстегивать плащ.

Лозовский забеспокоился. Он же предупредил ее по телефону, что надолго с ней остаться не может, что им нужно встретиться только для разговора. Чего она тогда расстегивается?

Он не будет с ней...

Он не станет ее...

Хватит уже! Он решил! И именно сегодня обо всем ей скажет!

– Стыдобища какая. – Она ткнула сигарету в пепельницу, с усталой грациозностью потеряла виски и вдруг, пару раз качнув головой, улыбнулась. – А может, оно и к лучшему, а, Ярик?

– Что к лучшему?

Он едва дымом не поперхнулся, поняв, куда она клонит.

– Ну, то, что Алла знает про нас с тобой. Может, оно и к лучшему, говорю, а? – Ее длинные изящные пальцы, которые порой напоминали ему хищные инопланетные щупальца, потянулись к его коленке. – Не придется долго и нудно с ней объясняться. А я так этого боялась... Даже хорошо, что так!.. А то я все переживала, глупая! Что скажешь?

– Что? – прикинулся Лозовский непонимающим.

Приходилось теперь снова валять ваньку, раз упустил прекрасную возможность ошарашить ее своим решением прямо с порога.

Сначала пропустил ее прибытие, и она застала его врасплох, когда он откровенничал вслух с самим собой. Потом упустил возможность вставить хотя бы слово. И под занавес профукал решимость, которая пригнала его сюда сегодня. Хотел ведь топтать ногами, кричать, метать грома и молнии, а в результате приходится давиться дымом ее противных дамских сигарет и изображать непонимание.

Трус! Отвратительный, поганый трус!

И что теперь? Снова к ней в кровать? Но он же дал слово! Он же обещал! Он самому себе поклялся быть верным, и что теперь-то?!

– Что ты заладил: что, что?

Марианна встала с кресла, обогнула низкий татарский столик, разделяющий их. Подошла к Ярославу и, опустившись на подлокотник его кресла, обхватила его голову руками, тут же прижав к своей груди. И зашептала, зашептала привычным сбивающимся неразборчивым шепотом:

– Мне не нужно будет ей объяснять, почему ее мама вдруг решила выйти замуж за молодого мужчину... Что она не сошла с ума. Что это у нее уже давно и на всю оставшуюся...

– Что на всю оставшуюся?

Лозовский еле выбрался из кресла. Едва не вывернув шею, еле высвободил голову. У него только что ноги не отнялись, когда он услышал про замужество. Все остальное тут же окаменело и ухнуло куда-то, а вот ноги способности двигаться не утратили.

– Что на всю оставшуюся жизнь, Марианна?! – вдруг заорал он, наткнувшись взглядом на ее растерянность, перед которой был когда-то слаб. – Что на всю оставшуюся жизнь?!

– Не кричи, – попросила она мягко.

Тут же часто-часто заморгала, сразу сделавшись милой и невзрослой. Попыталась что-то сказать еще, но губы ее вдруг вспухли и задрожали.

Ясно! Она собирается плакать!

Лозовский едва не застонал вслух.

Это был провал! Это был полный провал его сегодняшнего предприятия! Он ведь вызвал ее сюда, чтобы расстаться с ней навсегда! Раз и навсегда расстаться! И даже заявление на увольнение уже написал, и оно лежит в кармане его куртки, свернутое аккуратно его собственными руками.

Он хотел орать, бесноваться. И хотел, чтобы и она орала и бесновалась так же. И чтобы они кружили по этой огромной комнате и их гнев делал пропасть между ними все глубже и глубже. И чтобы они потом никогда уже не смогли друг до друга дотянуться. Никогда!!!

А она, черт побери, плакать собралась! Что вот теперь ему делать, что?!

Он же был слаб перед женскими слезами вообще, а перед ее – особенно. Он не мог их видеть – ее слезы. Почему? Да потому что ее слезы были противоестественны. Они совершенно не вязались с ее обликом, с представлением о ней как о личности. Они были как непонятно откуда взявшиеся стигматы на твоём собственном теле. Ее слезы пугали, они парализовывали его волю.

Он все еще был слаб перед ее слезами, перед проявлением ее слабости, перед ней самой.

Он проиграл, да?

Лозовский отвернулся, уставившись в окно, хотя там давно ничего уже не было видно, смеркалось. Сунул руки в карманы штанов, сцепил кулаки и зажмурился, загадав: вот если она сейчас вдруг продолжит плакать и будет жалостливо просить его не оставлять ее, то он ничего ей не скажет. Сегодня не скажет. Завтра тогда или послезавтра. А вот если она начнет на него давить... Начнет снова уничтожать его волю, опять, как и прежде, вцепится в его горло, тогда он...

– Что это было?

Он резко дернулся, оборачиваясь. Он ведь не ошибся, только что хлопнула, очень громко хлопнула входная дверь. Что это было?! У них гости?!

Кресло, на котором пару минут назад начинала плакать Марианна, оказалось пустым. Мягкая кожа подлокотника нежного оливкового цвета все еще хранила абрис ее на нем присутствия, а самой Марианны уже не было.

– Удрала, сука! – застонал Лозовский и громко выругался.

Она снова его переиграла. Она, безошибочно все угадав, снова его переиграла. Она просто не дала ему возможности закончить все именно сегодня, когда сама она оказалась неподготовленной и оттого слабой. Сегодня она решила взять тайм-аут, а вот завтра...

Но ведь завтра может быть уже поздно! Поздно для него, для тех отношений, которые у него зародились с...

Никому он не скажет – с кем. Это теперь уже его тайна, которую он станет бережно хранить от чужого дурного глаза и от возможной мести Марианны. Пока его взрослая любовница не переболеет свое поражение, пока не успокоится, он будет скрывать ото всех и прежде всего от нее свое неожиданное счастье.

Ярослав взял в руки пепельницу, в которой пускала скудную струйку дыма не погашенная Марианной сигарета. Прошел в кухню, залил окурки водой из-под крана, вывалил потом все в мусорное ведро, ополоснул пепельницу. Окинул прощальным взглядом сверкающие зеркальные стеллажи с дорогой посудой и техникой и пошел одеваться в прихожую.

Он больше не вернется сюда никогда. Ни сюда, ни в любое другое место, которых за два года их с Марианной романа набралось десятки. Он теперь свободен.

Ярослав слегка двинул зеркальную створку шкафа в прихожей, и она послушно уплыла вправо. Достал куртку, оделся перед второй створкой, поленившись задвинуть первую. Повернулся к двери и едва не присел, нарвавшись взглядом на другое зеркало, которое висело над телефонным столиком.

«Тебя не заберет никто!» – было написано по диагонали любимой губной помадой Марианны.

– Что все это... – пробормотал Лозовский, подходя к телефонному столику ближе и снова и снова перечитывая бледно-лиловую надпись. – Что она этим...

Он даже договорить не успел, когда все понял. Все же яснее ясного. Она станет держать его подле себя ровно столько, сколько посчитает нужным. И она это сделает. И он даже знает, как именно она это сделает.

Нет, она не станет давить на него, вспоминая его гадкие жизненные промахи, попахивающие уголовной статьей. Это грубо. И он мог всерьез обидеться, взбрыкнуть, мог перестать залезать к ней под одеяло, в конце концов. Нет, этого Марианна делать на сей раз не станет. Она теперь нашла в нем новую кнопку для своих подлых манипуляций.

Она найдет ту единственную, которую он пытается теперь ото всех спрятать. Она ее непременно найдет и...

– Черта с два у тебя это получится, Марианна! – забормотал Ярослав, лихорадочно застегиваясь. – На этот раз тебе не удастся меня опередить! Я разгадал твой замысел, и я буду первым...

Глава 4

– Тамарка, он решил меня бросить, понимаешь!

Даже во хмелю ее глаза были злыми и безжалостными, отметила тут же про себя Тамара, снова заглянув на дно опорожненного подругой стакана. Быстро ухватила за отпотевший ствол водочной бутылки и щедро плеснула из нее в стакан Марианны.

– Подумаешь, – подергала она полными могучими плечами. – Нас всех бросают, и что теперь!

– Меня! – Марианна неуверенным движением потыкала указательным пальцем себя в грудь. – Не кого-нибудь, а меня!!! Меня – Марианну Степановну Волину, Тамарка, он решил бросить! Пацан! Грязный убудок! Я его... Я его ведь на помойке подобрала!..

Тамара опустила голову, чтобы не выдать откровенного злорадства, но Марианна даже пьяная оставалась Марианной.

– Радуюсь, стерва? – догадалась она и ухмыльнулась глумливо: – А чему радуешься-то? Меня хоть два года, да любили! Молодое, горячее тело принадлежало мне, понятно! А тебе?.. Тебе что принадлежит? Эта грязная квартирка? Этот захлюстанный халат? Почему так грязно, Тамарка? Почему у тебя всегда так все грязно?! Все вокруг тебя покрыто грязью, все! Каждое твое слово, каждое твое действие, каждая вещь, к которой ты прикасаешься, тут же превращается в грязь! Гадкая ты, Тамарка!

– А ты? – сквозь стиснутые зубы осмелилась спросить Тамара, стараясь не смотреть на Марианну, завалившуюся к ней на ночь глядя вдрызг пьяной. – Ты не гадкая, Маринка? Ты хорошая, чистая, благородная, да?

– Да! – Ее голова мотнулась, ударяясь подбородком о грудь. – Я хорошая. Я тебе с жильем помогла? Помогла. Должность тебе устроила? Устроила, хотя ты ни черта не варишь башкой и работать совершенно не хочешь. Все перешептываются, все откровенно смеются за твоей спиной над твоими ляпами, а ты...

– Пошла вон!

Господи, как же это она осмелилась-то, а? Как осмелилась за столько лет впервые указать на дверь этой гадине?! И что теперь? Что теперь она с ней сделает?

Можно погадать, конечно, было бы желание, а времени предостаточно. Убираться, судя по всему, гостя не собирается. Слышать никого кроме себя не слышит. Так что можно погадать, пока та выпивает и гоняет вилкой по тарелке скользкие грибки. Ах, не знала, что зайдет, а то бы поганок впрок наготовила...

Ладно, что там выходит?

Из квартиры выгнать Марианна ее не сможет, это однозначно. Договор купли-продажи давно оформлен на нее – Тамару. Год назад оформили, хотя до этого пришлось пару лет пожить в этом скворечнике на птичьих правах. Это ее так Волина к проявлению собственного благородства подготавливала. Сравнивай, мол, как было раньше, а как теперь.

Уволит или понизит в должности? Тоже вряд ли, потому что Тамарка, может, и тупая в бухучете этом гребаном, но верная и честная. Ни копейки никогда не украдет и никому другому не позволит.

А чем еще может отомстить ей Марианна за то, что на дверь ей указала?

Да ничем, потому что у нее больше ничего и ценного-то нет.

– А я не пойду никуда, Тamar, – вдруг совершенно трезвым голосом отозвалась на ее выпад Волина. – Потому что мне некуда идти.

– Да ладно! У тебя квартир выкупленных по городу с дюжину! – Тамара, не выдержав, отобрала у нее вилку, нацепила на нее опенок и сунула Марианне в рот, добавив крохотный кусочек хлеба. – Закусывай, что ли, Марин! Срубись сейчас, что мне с тобой делать потом?

– А я спать у тебя останусь, – выпятив нижнюю губу, обрадовала ее гостья. – Мне идти некуда и не к кому. Меня же никто не ждет, Тамарка! Никто, понимаешь!!! Нет, ты не понимаешь...

– Почему же? – Тамара со вздохом подперла полную щеку здоровенным кулаком. – Меня вон тоже никто не ждет. Я к этому привыкла.

– Да не путай ты божий дар с яичницей! – прикрикнула с досадой Марианна и отработанным до автоматизма начальственным жестом хлопнула ладонью по столу. – Это все разные вещи, пойми! Ты всю свою жизнь одна была! Тебя никто никогда не ждал, а меня... Меня-то ждали в свое время, понимаешь! Пашка долго ждал, пока я выучусь, пока на ноги встану.

– Ага! – перебила ее со злостью Тамара. – А потом ты эти самые ноги, на которые твердо встала, и вытерла об него.

– Неправда! – с жалобной грустью отозвалась Волина и всхлипнула: – Я его любила!

– Да ладно врать-то, Марин. Сейчас-то хоть не ври, когда его уже давно в живых нет. Любила она его! А умеешь ты любить-то?! Кого-нибудь когда-нибудь любила безрассудно?

– А как это? – Марианна замотала головой, пытаясь разогнать хмельное облако, застилающее ей глаза. – А как это – безрассудно? Все вот твердят об этом день и ночь, а никто ни разу не объяснил мне... Как это любить безрассудно, Тамара? Как?! Забыть обо всем? Забыть на все? Все бросить к чертям собачьим и сунуть голову в петлю, так, что ли?

– Почему же в петлю? Обычно говорят, в омут.

– Это не одно и то же? Что там, что там погибель, Тамара. Разницы нет! Что в петле, что в омуте – от безрассудной любви погибель. Вот и... – Она вдруг встрепенулась, отряхнула шелковую белоснежную блузку от хлебных крошек и окинула взглядом стол: – А почему ты мне одни грибы с колбасой на закуску выставила? Что, покушать больше нечего?

– Почему нечего? И щи есть из квашеной капусты, и котлеты с макаронами. – Тамара ухмыльнулась, наблюдая за подругой. – Только ведь ты благородная теперь у нас стала, разве станешь щи хлебать со школьной подругой.

– А ты знаешь, стану. – Марианна встала и, покачиваясь, добрела до большого хромированного холодильника, распахнула его, заглянула внутрь. – О, котлетки, здорово! Давай, Тамар, пожрем, что ли... Так достала меня правильная здоровая пища, так угнетает подсчет калорий. А чего ради? Наливай щи, Тамарка...

Марианна съела огромную тарелку щей из квашеной капусты, которую Тамаре поставляла из деревни матушка, она засаливала ее в огромной дубовой кадке по старинному рецепту, доставшемуся от прабабки. Потом еще две котлеты, ломоть хлеба с горчицей, а потом запросила кофе.

– Что-то меня колотит, – пожаловалась она спустя полчаса, когда выпила залпом две чашки крепчайшего кофе. – Может, заболеваю?

– Твоя болезнь называется отходняк, подруга, – хмыкнула Тамара, сгребая со стола пустые тарелки и загружая их в раковину. – Небось забыла, когда в последний раз водку-то пила?

– Да... Забыла...

– Вот теперь и вспомнила. А что касается Лозовского, вот что я тебе скажу... – Тамара обернулась к Марианне от раковины, подперла округлые бока. – Отпусти ты его, Марин.

– Ни за что! – отшатнулась к стене Волина, будто Тамара ее ударила. – Чтобы я его отдала какой-нибудь молоденькой сучке!!! Я его создала... Я его вылепила! Я сделала из него мужчину...

– Не ты, а родители, между прочим, – напомнила Тамара.

– Родители! – презрительно фыркнула Марианна. – Они только и смогли, что дать ему образование. А дальше что? Ни работы, ни жилья, ни денег, ничего же у него не было, у красавчика нашего. А я...

– Но это же не могло и не может продолжаться вечно, Марина. – Тамара, собравшаяся вымыть посуду, с раздражением шлепнула по крану, перекрывая воду. – Ты что же, всерьез полагаала, что вы поженитесь, станете детей рожать?

– Какие дети, о чем ты? И при чем тут вообще дети? У меня есть Алка вообще-то.

– Но у Ярослава-то нет. Ему-то жить как? Аллочкой твоей наслаждаться, так он и так... – брякнула Тамара и тут же прикусила язык.

Господи! Она проговорила! Она только что самым бесстыдным образом выдала чужую тайну, хотя сотни раз давала себе зарок не совать нос в чужие секреты. И так всем на свете сплетням, гуляющим по длинным коридорам «Октавы», приписывают ее авторство. А она ведь молчит! Всегда молчит! Слушать – да, слушает. Слушает, на ус мотает. Но чтобы языком молотить в курилке или туалете...

Нет, этого она себе никогда не позволяла. Возложила судьба на нее повинность играть роль верной дворняжки Маринкиной, она ее и играла. И никогда не провоцировала опасных разговоров в своем присутствии. А тут вот взяла и проговорила насчет Лозовского и Маринкиной дочери.

Что же делать-то теперь?! Как выпутаться? Может, Маринка мимо ушей пропустила спьяну-то? Может, после щей ее и котлет с дремотой борется и не поняла, что она только что...

Но нет! Марианна Волина уловила все молниеносно. И даже повторять не заставила. И вопросов лишних наводящих задавать не стала. Она просто привстала с табуретки, нависла над столом, упершись в него кулаками. Ну, прямо точь-в-точь как на совещаниях, когда разнос кому-то устраивала. И прошипела гремучей ядовитой змеей:

– Ты и об этом знала?! Кто еще?!

– Не знаю. Я за всех отвечать не собираюсь, – забормотала Тамара.

Схватила тут же кухонное полотенце и начала мусолить им по чистой столешнице, окаймляющей раковину. Смотреть в остекленные глаза Марианны было выше ее сил.

Вот навязалась еще ей на голову на сон грядущий! Приперлась, ждали ее!

Она бы сейчас искупалась, покидала грязные шмотки в машинку, загрузила бы стирку и пошла бы спать. Перед этим можно было бы в телевизор потаращиться, какой-нибудь сериал посмотреть можно было бы. И помечтать под него и о собственном неожиданном счастье, которое все никак ее не отыщет.

Надо же, как ловко уязвила ее, змеища! Сказала, что никто и никогда не ждал Тамару. А ведь и в самом деле никто и никогда не ждал. Был один командированный. Так его она все больше ждала, а не наоборот. Водки покупала, икры, семги пожирнее. И ждала, ждала, когда он подкатит под ее окна на своем длинномере. Когда войдет в ее квартиру, насквозь провонявший солярой, ждала. Когда потом отмоется, фыркая и брызгаясь в ее ванной почти с час. Потом ждала, когда он насытится ее щедрым угощением. Потом...

Потом, кстати, не всегда получалось. Все зависело от дозы выпитого. Если командированный, которого звали Виктор, перебирал, то мог вырубиться еще до того момента, как голова его касалась подушки. А если все же контролировал дозировку, то милостиво позволял потом себя любить.

Что, собственно, Тамара и делала, становясь в такие ночи очень жгучей и ненасытной.

Потом она его провожала и потом снова ждала.

Она ждала, ее – никто и никогда. Здесь Марианна была права, тут с ней не поспоришь.

Она, собственно, всегда оказывалась права. Всегда! Знала о людях, с которыми ей приходилось общаться, практически все. Все знала об их привычках, об их слабостях, пороках. Потому и бить ей удавалось всегда без промаха, точно в цель, по самым уязвимым местам.

Тамара десятки раз представляла себе, как ее школьная подруга в собственном виртуальном тире жирным черным маркером наносит на макет очередной жертвы ее самые уязвимые

точки, а потом долбит по ним без промаха. Долбит и долбит, долбит и долбит, пока не сломит волю, не сломает хребет, не подчинит себе полностью.

Мерзкая жестокая сука! Как только ее земля до сих пор носит!..

– Понятно, – процедила сквозь стиснутые зубы Марианна, оттолкнула ногой табуретку и заходила по кухне, похрустывая пальцами.

Тамара инстинктивно втянула голову в плечи.

Когда Марианна Степановна Волина так вот хрустит суставами пальцев, жди скорой расправы. Значит, уже пошел процесс в ее незримом тире. Значит, уже наносятся жирные точки на тело и душу очередной жертвы.

Кто только вот ею станет на этот раз?! Алла, посмевающая выкрасть из материнской постели любовника? Лозовский, который уже одним тем смертельно виноват, что не отказал ни одной, ни другой. Он-то, Тамара была уверена, не был инициатором ни в тех, ни в других отношениях. Не посмел бы он никогда посягнуть.

Они! Все они! Эти две злые коварные суки: мать и дочь. Которые мстят друг другу всю свою жизнь, сами не зная за что.

А может, она теперь Тамару решит наказать?! За то, что вовремя не сигнализировала. За то, что промолчала и наверняка тайно злорадствовала.

– Где они встречались? – Суставный хруст прекратился, Марианна встала перед своей школьной подругой и впила в ее душу пронзительно-ледяным взглядом. – Не смей мне врать, что не знаешь!

– Я не... – Тамара замотала головой.

– Не смей, слышишь!!! – не выговорила, а просвистела ей в лицо Марианна, и тут же ее жесткие пальцы легли Тамаре на горло. – Медленно говори, обдуманно: где они встречались и как часто? Ну!!! Говори, или я уничтожу тебя, гадина!!!

А она могла ее уничтожить. Запросто могла. Пошутила же однажды, исправив в десяти местах ее годовой отчет так, что с Тамаркиной непрофессиональной небрежностью ее под статью могли подвести. Что, как только Тамара ей надоест, она так и сделает.

В тюрьму Тамара не хотела – это точно. Но и Алку выдать с Лозовским тоже не могла. И не выдать не могла...

– Как часто, не знаю. Но встречались всегда в твоей квартире на Соловьевой улице.

Это не ее голос только что выдал чужой секрет. Это и не голос был даже. Это было дребезжание старой чайной ложки в пустом граненом стакане, забытом зазевавшимся пассажиром на столике в поезде. Она не узнавала звуков, исторгаемых ее горлом. И не узнавала Марианну.

Такой страшной...

Нет, такой угрожающей, распираемой какой-то демонической жуткой силой, клокочущей под ее ребрами, Тамара ее никогда не видела. Никогда!

Даже когда Пашка впервые ушел от нее в ночь, а наутро вернулся, а потом она узнала, что он был у какой-то бабы, гнев ее не был так силен. Даже когда он умер, не успев дойти до той самой бабы, и до Маринки тоже не дошел, потому что не хотел, наверное, она была в меньшем бешенстве. Бесилась, конечно, рвала и метала, но не так, как сейчас.

Сейчас Тамаре стало по-настоящему жутко, у нее даже между лопатками взмокло от того, как она теперь боялась Волину.

– На Соловьевой, значит, – повторила Марианна за подругой название улицы, присовокупив номер дома и квартиры, которую купила еще лет десять назад и не так давно подарила дочери. – Значит, вот почему он решил меня бросить... Понятно, Ярик, понятно. Красивая и смелая, стало быть, дорогу перешла. Ну, ну... Это мы еще посмотрим, кто кого, доченька...

Она оторвала наконец свои пальцы от Тамариного горла, ощутимо шлепнула ее по щеке и безглаголиво сморщилась:

– Худеть пора, дорогуша. Щеки жирные, как у... Потому и не любит тебя никто и не ждет. Щи жрешь на ночь, котлеты. Йогурты надо! Ладно, пошла я. А ты...

Это все на ходу, на Тамару почти не глядя, будто не у нее в доме полами плаща стены обметала. Будто совершенно пустым местом была Тамара в этой жизни. Пустым и ничемным.

Ну, погоди, гадина, думала Тамара, я тебе еще устрою. Да так устрою, что век не ототрешься.

– Да, кстати.

Марианна вдруг застряла на пороге, хотя и дверь уже отворила, взяла Тамару за пуговицу на халате, подтянула к себе поближе и улыбнулась гадко, пахнув ей в лицо отвратительной смесью водки, сигарет и котлет с чесноком.

– Завтра будь готова отчитаться передо мной за средства, которые мы выделили на бонусы. Они ведь у тебя в сейфе хранятся, не так ли?

– Так.

– Вот и отлично. Завтра совместно с тобой мы их и пересчитаем.

– А чего завтра-то? К Новому году собирались раздавать. Завтра, что ли, раздадим?

Это был не крик утопающего, так горло драть Тамаре теперь было не под силу. Это был едва слышный комариный писк ее пропадающей души. Старалась сохранять самообладание, но Марианна все моментально поняла. Снова шлепнула ее по щеке и рассмеялась.

– А когда хочу, тогда и раздаю. К Новому году так к Новому году. А завтра просто желаю провести в твоём сейфе ревизию. Ты не против, подруга?

– Нет.

У нее, кажется, даже в позвоночнике что-то щелкнуло, с такой силой она замотала головой, хотя очень хотелось биться ею о стенку. Биться и орать во все горло.

Не было в ее сейфе тех денег! Не было ровно половины! Они должны были быть восполнены, но не сегодня ночью и не завтра утром. У нее ведь до тридцатого декабря, на которое планировалась выплата бонусов, еще больше трех месяцев! Почему завтра-то?! Почему?!

– Вот и хорошо. – Марианна ступила за порог, а потом вдруг снова приостановилась, подумала о чем-то, опустив голову, тут же вскинулась и, опять не обращаясь конкретно к Тамаре, обронила напоследок: – Да, Тамарочка, если денег там по какой-то причине не окажется, я сдам тебя с рук на руки милиции и объявлю воровкой...

Никогда еще дверь Тamarкиной квартиры не захлопывалась с таким жутким тюремным лязгом.

Сдаст с рук на руки милиции...

А и сдаст! И ничего и никто ее не остановит, потому что за Тамару заступиться некому. Одна у нее защитница – Волина Марианна Степановна. Но та с теперешнего вечера возглавила клан ее личных врагов.

Что же делать-то теперь, а?! Как завтрашнее утро встретить, которое последним в ее жизни может оказаться? В том смысле, что на свободе последним, а потом...

Крупные Тамарины пальцы подрагивали и никак не попадали по крохотным кнопкам телефонного аппарата, висевшего на стене между кухней и коридором. Набрала номер лишь с четвертой попытки. Набрала наконец и затихла с замирающим сердцем, приплюснув трубку к уху.

– Алло, – раздалось в трубке через несколько томительных минут.

– Алло, привет, это я.

– И чего так рано? Еще ведь нет и полуночи. До нее еще почти пара часов, – попытались остроумно пошутить на том конце провода.

– У нас проблемы, – тут же ошарашила Тамара, быстро их перечислила и подвела итог: – Надо что-то делать!

– Тут сделать можно только одно, дорогуша... – в трубку притворно зевнули. – Ладно, давай сюда подъезжай, посидим, подумаем...

Глава 5

– Славик, это ты?

Лозовский окаменевшими пальцами повернул ключ в замке, накинул цепочку и с облегчением привалился к захлопнувшейся двери. Наконец-то он дома.

Господи, какое же счастье иметь свой угол! Свой собственный! Не оттяпанный у одуревших от старости родителей, не заработанный постельными трудоднями у обеспеченных любовниц, а свой собственный угол, о котором никто пока не знает!

Часть денег на него он успел скопить, часть пришлось одалживать у банка. Ничего, расплатится. Он молод, энергичен, работоспособен, талантлив даже как руководитель. Это все в «Октаве» признали. Перейдет работать в другую фирму, его уже приглашали. Пускай зарплата несколько ниже, зато он там свободу обретет. А это куда как дорого стоит.

– Славик! – голос Наташи зазвучал тревогой. – Чего молчишь? Это ты?

– Кому еще быть в нашем доме, малышка? Конечно, я...

Лозовский снял ботинки и переобулся в домашние клетчатые тапочки.

В доме Марианны не принято было этого делать. Там переобувались лишь перед тем, как идти в ванную. Лозовскому это не нравилось. Не нравилась пыль, которая тащилась на обуви в квартиру. Не нравилось сидеть в уличной обуви перед телевизором или за обеденным столом. Будто все еще с работы не вернулся, будто продолжаешь трудиться.

Хотя так оно все и было на самом деле. Он отработывал, он трудился, он никогда с Марианной не чувствовал себя дома. А вот с Наташкой...

Милая, славная, хорошая, надежная, любимая. Он так счастлив был с ней! Так хотел продолжения и упрочения этого счастья, так смаковал каждый прожитый с нею день, а жили вместе они всего лишь вторую неделю, что решился все же на то, что сделал сегодня вечером.

Он сделал, он освободился, а там будь что будет. Главное, он с Наташкой. Главное, у них теперь свой собственный дом, одна на двоих семья.

Когда же он понял, что готов провести с ней остаток своей жизни? Когда почувствовал, что эта женщина никогда ему не надоест и не наскучит? Он готов был видеть ее заспанной, в бигудях, с сопливым от простуды носом, недовольной. Он готов был! Он хотел с ней и только с ней тех самых будней, которых все боятся и называют серыми. Вместе по утрам трясти покрывалом над кроватью и ворчать незлобиво, когда край выскальзывает из рук. Бежать наперегонки в ванную и толкаться у раковины в измятых ночных пижамах. Готов был изнывать от голода, когда она затянет с обедом, потому что проторчала в парикмахерской. И грызть морковь, сидя на табуретке в кухне, как на жердочке, он тоже готов был.

Он готов был ко всему этому, только с ней чтобы, с Наташкой!

Так когда он понял это? Две недели назад, когда предложил ей переехать к нему? Или в тот самый первый день их встречи, когда едва не сшиб ее с ног в дверях супермаркета?

Он тогда летел как сумасшедший. Зол был. Сильно зол на Марианну, на себя. И слабость Марианнину проклинал, заставившую его пойти у нее на поводу. И свою собственную, не сумевшую противостоять. Все проклинал, и даже родителям досталось, которые ему порекомендовали обратиться через десятую голову к одним из знакомых Марианны по вопросу трудоустройства.

Не пошел бы тогда на собеседование, и не было бы ничего. Ни объятий ее навязчивых и липких, ни подарков, закабаливших его, ни сегодняшнего отвратительного вечера. Ох, как тяжел он был для него! Ох, как непереносимо длинен! И тут вдруг это нечаянное столкновение...

– Славик, милый, кушать будешь?

Только Наташка называла его так. Когда-то так звала его бабушка, теперь вот она.

– А что у нас есть покушать, Натуль?

– Блинчики испекла тоненькие, нафаршировала их мясом, – пробормотала Наташа сквозь зевоту. – Картошка в фольге с перцем, как ты любишь. Есть еще селедочка под маринадом.

– Сама делала? – умилился Лозовский, вспомнив, что с двенадцати дня ничего не ел.

– А кто же? – удивилась она вопросу.

Наташа все готовила сама. И пельмени, и блинчики, и пиццу, игнорируя в магазине нарядные фабричные упаковки. За мясом ездила на другой конец города на рынок. Долго бродила вдоль рядов, ворошила мясные развалы длинной острой вилкой, принюхивалась, приценивалась, снова бродила. Потом наконец выбирала. А дома из ее рук выходил очередной кулинарный шедевр, рецептами которых были полны три вздувшиеся общие тетрадки с разломаченными страницами. Тетрадки ей отдала мама, когда Наташа решила переехать к Ярославу.

– Я все это и без записей помню, дочка. – Мама втиснула их в сумку поверх яркого пледа. – А тебе нужно мужа кормить. Вон он какой у тебя худенький.

Ярослав улыбался простоте этой милой женщины, ставшей теперь его тещей. Улыбался и вопреки устоявшейся в миру традиции совершенно не желал ее ненавидеть. Он их обеих как-то сразу полюбил – и дочку, и мать ее.

– Тебе подать, милый?

– Нет, нет, отдыхай! – забеспокоился Лозовский.

Он не хотел, чтобы Наташа поднималась из постели. Не потому, что она могла не выспаться, утром спешить ей было некуда, по его настоянию работу она оставила, а потому, что он не хотел никаких объяснений на сон грядущий. Ими и так был полон целый вечер. Хватит уже.

А с Наташей, если она войдет в кухню, объясняться придется. Она ведь сразу все уловит, все поймет, да и руку пораненную заметит. Станет задавать вопросы, а что он ответит? Что?! Он не мог сказать ей правды, как не мог и соврать. Так что лучше будет, если он сегодня переболеет в одиночку собственное освобождение, которое может обойтись ему очень дорого, случись что...

Утром он проснулся через пять минут после будильника. Надо же, как разоспался, а думал, что и уснуть не сможет после всего, что с ним произошло. А ничего, уснул и даже будильник не слышал. Наташка начала толкаться и бубнить сквозь сон, что он проспит на работу. Пришлось вставать и красться в темноте спальни к выходу, цепляя по пути вещи с вешалок.

На бегу позавтракал, кое-как побрился, все спешил и спешил. Вроде бы не велика потеря в пяти минутах, а из привычного утреннего расписания тут же выбился. Суетился и все ронял без конца, то крышку от геля для бритья, то нож. И суета какая-то эта была маетная, тревожная, не та, когда торопишься и раздражаешься оттого, что не успеваешь. Нет, тут какая-то иная подоплека в этой судорожной утренней спешке имела. Как предчувствие будто бы чего-то нехорошего...

– Все будет хорошо, – сказал он самому себе в зеркало перед тем, как выйти из дома.

И за пять минут до этого то же самое шепнул Наташке на ухо, когда полез к ней в кровать поцеловать перед уходом.

А она тоже тревоги добавила, обхватила неожиданно его за шею, прижалась щекой к щеке и прошептала:

– Славочка мой... Любимый... Ты ведь не оставишь меня никогда?

– Что ты, родная моя! Что ты!

Ну, чуть ведь слезы не просочились из сердца самого, до такой степени вдруг жалко ее сделалось. А казалось бы, с какой стати?! Все же идет так, как должно идти. А зануло все, застонало внутри.

– Все будет хорошо, Наташенька. Все будет хорошо...

Вышел из дома с тяжелым сердцем. Снова задался вопросом – почему? Радоваться бы, освобождение наконец наступило. Теперь он сможет жить так, как хочет, с кем хочет и сколько хочет. А тербит и тербит, тербит и тербит. Тут еще бабка какая-то масла в огонь подлила, прокаркав ему вслед что-то об Антихристе и скором ответе перед Создателем. В другое бы время и внимания на нее не обратил, а тут обострилось все, каждый нерв стонал натянутой струной.

Лозовский шел по набережной к стоянке машин и морщился, будто от зубной боли.

Что же так противно на душе-то? Что же там так болезненно ворочается и тянет, тянет? Погода еще дурацкая, середина сентября только, а уже ноябрьской промозглостью смердит. Ветер мечется, того гляди с крыши их домика незакрепленный лист шифера сорвет. Так и не успел закрепить его в выходные, стемнело быстро. Оставил все до следующих выходных, понадеявшись на бабье лето, а оно вон как подвело. Быстренько скомкало, собрало в клубок по полям паутину и припрятало до следующего года под каким-нибудь кряжистым дубом. Пробыло застарелой ржавчиной золото листвы, пошвыряло все безалаберно под ноги. Река за парашетом горбатилась гигантской стиральной доской, облизывая сизыми волнами бока катера спасателей.

Лозовский отвернулся, поежился и полез в карман за ключами от машины. Но не успел достать, пожарной сиреной взвыл телефон.

Началось!

Звонила секретарша Марианны. На ее номере им был забит этот рингтон. Сейчас начнет сипеть и захлебываться в трубку, что Марианна Степановна гневается, что давно его ждет, что он должен был...

– Да, – недовольно отозвался Лозовский. – Ксения, ты?

– Я! – выдохнула та и вдруг непривычно обратилась к нему на ты: – Ярослав, ты где?

– На набережной, машину забираю, а что?

– Скоро будешь, так?

– Ну, да. А в чем, собственно, дело?

– На твоём месте я бы не торопилась, Ярик.

Ее и без того невыразительный голос как-то моментально потух, лишившись всех звуковых оттенков. И Лозовский тут же представил себе простушку Ксюшу, съжившуюся в секретарском кресле до размеров божьей коровки. Она частенько так сжималась, когда Марианна ее за что-нибудь разносила.

Что сейчас могло случиться?

– Почему? – вздохнул он, тут же поняв, что Марианна, видимо, рвет и мечет.

– Потому что! Ты что, дурак совсем, да?! – и она неожиданно расплакалась в трубку. – Если говорю не торопиться, значит, не торопись!

– Да что случилось-то, Ксюша? Она что там, всех без разбору увольняет?

А она могла! Еще как могла после вчерашнего-то.

– Она не может никого уволить сегодня, Ярик, – чуть успокоившись, пояснила Ксюша.

– Почему?

Он не понял или не захотел понять, черт его знает, сразу вспомнив о гадкой суетливости своей утрешней, сразу не понравившейся ему, показавшейся предвестником чего-то дурного.

– Потому что Марианна Степановна пропала! – уже совершенно твердым секретарским поставленным голосом ответила Ксюша.

– На работу, что ли, не вышла?

– Не валяй дурака, Ярик! Тебе ли не знать, что она никогда не прогуливала, – приструнила его Ксюша. – Марианна Степановна пропала, понимаешь! Отовсюду пропала! Ее нигде нет! А в ее кабинете там... там все в крови, Ярик! И дверца сейфа в крови, и ящик, выдвинутый из стола, тоже. Господи, что теперь будет?!

Глава 6

– Ну, ладно тебе, Свет! Ну ладно тебе! Ну, Света!

Его руки, которые она отпихивала, настырно лезли под ее толстый махровый халат. Голубой такой, мохнатый в крупных белых облаках. Света уже умылась, уже позавтракала и зашла в комнату, чтобы переодеться. Потом, соблазнившись собственной подушкой, взяла и упала со стоном снова в кровать. Андрей тут уж проснулся окончательно. Повернулся к ней лицом, подполз поближе, взмахнул одеялом, пряча под ним жену, и тут же начал приставать.

– Андрюша, прекрати, – со смешком отпихивала его она. – Уже поздно, я опоздаю.

– Ну, Свет, ну чего ты?

Ну не халат, а божье наказание просто какое-то! Как в той загадке: сто одежек, и все без застежек. Вроде сквозь один слой он пробрался, а на пути его ищущих рук снова тканевая перегородка.

– Запеленали тебя, что ли! – разозлился Андрей, когда жена все же со смехом улизнула из кровати. – Вот так всегда, елки-палки! Ни ночью... Ни утром...

– Кто же виноват, что ты домой являешься за полночь? – возмутилась Светлана, вдевая руки в рукава тонкой кофточки в полоску.

– Работа, – тут же покаялся он, притушив собственное раздражение, и с хрустом потянулся. – Когда же выходные-то?!

– У меня уже завтра. – Светка поддразнила его, показав язык. – А у тебя когда, Дмитриев, не знаю.

– И у меня завтра по графику, – неуверенно проговорил Андрей, выбираясь из-под одеяла и поеживаясь. – Холодно дома как!

– Так и на улице не май. – Она встряхнула волосами, вытаскивая их из-под воротника кофточки, подошла к мужу, подставила щеку и блаженно улыбнулась. – Господи, как же я тебя люблю, Дмитриев! Поцелуй жену немедленно, и она поплюхает на работу. Ну!..

Поцелуй затянулся и снова чуть не закончился на простынях. Хорошо, Светлана уже успела юбку надеть и измять ее была не готова, а то они оба непременно опоздали бы. И она в свой статистический центр, который непонятно чему вел подсчет, и он на свою службу, которая и опасна и трудна была, и не очень хорошо оплачиваема, но оттого не менее любима.

Пару недель назад один из их отдела увольнялся и проводы устроил в квартире тещи, которую год как схоронил. Хорошо посидели, выпивали, закусывали, пели даже под гитару. Будто не насовсем Павла провожали, а на отдых куда-то или в командировку длительную. Всем было хорошо и не напряжно, пока Пашка неприятную тему в разговоре не поднял.

– Вот смотрю я на вас, мужики, и не понимаю... – Он недоуменно обвел взглядом собравшихся. – Вы как будто сочувствуете мне, что ли?

– Не то чтобы сочувствуем, Паш, – начал отвечать за всех Дмитриев, потому что привык ораторствовать. – Но и радоваться особенно нечему. Ну вот встанешь ты в дверях банка, и что?

– А что надо-то? – Паша с шумом втянул в себя воздух.

– Ты же с тоски помрешь через неделю!

– Чего это вдруг? – его карие глаза недобро прищурились.

– Ну, представь, каждый день одно и то же, одно и то же. Двери хлоп-хлоп, народ туда-сюда.

– Да плевать! – вдруг разозлился Паша. – Пускай он спит, народ-то! Мне-то до него что?! Лишь бы ограбления не было, хулиганки там или в обморок никто не хлопнулся. Мое дело отследить смену, смениться и отдыхать дома человеком нормальным. И не вздрагивать от телефонных звонков. И спать ночами нормально с бабой своей. Вот ты, Андрюха, молодой пока, и Светка у тебя молодая. Детей опять же нет у вас. А как появятся, что станешь делать?

– Что стану делать? – Он подумал всего лишь мгновение. – Воспитывать, конечно.

– А когда?! Когда ты станешь их воспитывать-то?! – заорал Паша. – Мой вот без меня уже в четвертый класс пошел. А я не видел, как!!! Я не видел его ни в саду, ни первого сентября в первом классе. А все почему? Да потому что в оцеплении в тот момент стоял, помнишь? Кому-то из администрации президента приспичило потому что по нашему городу проехать. Всех и погнажи, невзирая на ранги. И мы с тобой стояли. А мой сын в тот день в первый класс в первый раз... Воспитывать он его станет! А ты задумайся на досуге, Димыч, как ты это сделаешь?!

Димычем его звали из-за фамилии. У них почти у каждого были прозвища. Безобидные вполне, достойные. К этому давно привыкли, и даже начальство не ругало, когда вырывалось на совещаниях, и само порой баловалось.

– Как, как? Своим примером, допустим. А что? Я не пью, не ворую, не убиваю. Это уже много.

Андрей тогда расстроился из-за Пашкиных речей. И даже настроение подпевать под гитару пропало. Вроде и прав был теперь уже бывший коллега, а с другой стороны...

Кому-то надо делать и эту работу тоже! И профессионально делать, чтобы не хватать всех подряд и не вменять в вину кому ни попадя что ни попадя. Правильно диагностировать – он бы даже украл такой термин у эскулапов – нужно было прежде всего.

А что времени свободного мало и выдергивают порой и из постели, и из-за праздничного стола, так не у них одних такая служба. Она и у спасателей такая же, и у врачей. У всех, кто призван помогать, защищать.

– Ладно тебе, защитничек нашелся! – заржал Пашка, внимательно выслушав Андрея. – Ты это тем Расскажи, кому мы лапти крутим, они точно расплачутся и букет тебе пришлют в благодарность... Говно это все, Димыч! Полное говно твоя философия. Вот погоди, поживет с тобой еще немного Светка, помается от постоянной нехватки денег. Понаблюдает за твоей невыспавшейся, унылой и порой небритой физиономией, да и бросит.

– Тебя-то твоя жена не бросила, с чего это меня Светлана должна бросить? – обиделся за жену Дмитриев и тут же начал искать глазами свою куртку, намереваясь уйти.

– Моя жена меня не бросила потому, что... – Пашка обвел хитрыми глазами всех собравшихся. – Что муж у нее умный мужик. И всегда знал, как и на чем заработать. А вам бы поучиться у старшего коллеги, а не геройствовать. Ну что, Андрюха, хочешь дам парочку бесплатных советов, как стать богатым на твоем рабочем месте?

– Нет, не хочу, – буркнул в ответ Андрей.

Нашел наконец свою вытершуюся по швам ветровку, выдернул ее из одежной горы, быстро распрощался со всеми и ушел домой. Идти было далеко, дождь поливал жуткий, но он все равно пошел пешком, не стал ловить такси.

Так было неприятно от скользких противных Пашкиных намеков, так тошно, хоть становись под водосточной трубой и освежайся под мощным напором дождевой воды.

Это на что же он намекал, интересно? На взятки? А на что еще-то, конечно, на них! Разговоры полупшепотом бродили по их коридорам, но в серьезное обвинение так и не переросли. У Пашки будто бы родственники где-то наверху в их структуре имелись. То ли у него, то ли у жены его. Вот и крышевали, получается, его заработки, из-за которых от него не ушла его жена.

А Светка будто бы должна уйти от Дмитриева со временем, потому что он из-за сволочной своей порядочности никогда мздоимствовать не станет. А зарплата у него фиговенькая по нынешним понятиям. И если и случится прибавка серьезная, то лет через десять, не раньше, когда на его погонах звезды станут крупнее. Станет ли она терпеть столько времени, жена-то его, красавица?..

– Дмитриев, ты дурак совсем, да?

Она разозлилась, помнится, той ночью на него жутко. Мало того что пришел поздно и водкой от него пахнет, так еще и с глупыми вопросами приставать начал.

Она же знала, за кого замуж шла! И о заработках в его структуре была наслышана. И всегда понимала, что он взятку брать не станет, потому что умный и честный. И Пашка этот, чья жена на зимний сезон три шубы имеет, пускай катится со своей философией куда подальше. Светке этих шуб не надобно. У нее вообще на мех аллергия. И наряды менять ей каждый день тоже ни к чему, на работе все равно в халат переодевается.

Детей они не воспитают? Скажите, пожалуйста! Времени у Дмитриева не будет на воспитание! А жена у него для чего дома станет сидеть? Разве для того, чтобы скулить постоянно и мечтать о богатой и сытой жизни? Или для того только, чтобы вспоминать всех своих поклонников и вести подсчет тем, кто состоялся в этой жизни? А разве не для того она, чтобы любимого мужа ждать с работы и котлеты ему каждый час по новой разогревать? И не для того, чтобы с детьми уроки делать и рассказывать им, какой у них папка славный и хороший и как он их всех любит!..

– Кому-то ведь надо жить с такими мужиками, как ты, Дмитриев! – закончила свою гневную речь Светка. – Не бобылями же вам век коротать... Спи давай и с глупостями этими больше ко мне не приставай! Неужели я хоть раз дала повод так о себе думать, Андрей?!

Повода не было ни раньше, ни теперь, но разговор этот, а еще Пашкины скользкие намеки так и оставили у Дмитриева в сердце зарубку. Стал чаще прислушиваться, внимательнее приглядываться. И понял со временем, что Павлик-то оставил после себя учеников своего грязного дела. Не многих, нет. Всего двое ходили у Дмитриева в подозреваемых. Но и этого было достаточно для того, чтобы сна лишиться.

Он ведь не мог этим людям больше доверять! Вообще не мог, а не через раз! Как тогда работать-то?! Он может отвернуться, а улику в этот момент в унитаз спустят. Может писать протокол, а в это время нож с отпечатками или пистолет могут утопить в реке. Он просто изорвался весь, пытаясь успеть везде и ничего не просмотреть. Все стал прятать, запирает под ключ в сейфе, хотя раньше держал в столе.

– Ты просто вездесущий какой-то, Андрюша, – то ли похвалило, то ли поругало его недавно начальство. – Нельзя так, сгоришь раньше времени. Надо беречь себя, отдыхать время от времени.

Он и старался беречься, только не от работы, а от того, чтобы не запятнаться. Потому и летел везде первым. Потому вот и выходных у него могло грядущих не состояться. А так хотелось!

Так хотелось просто провалиться до обеда со Светкой в постели, никуда не спешить, не ломиться, не рваться. Просто лежать, не раскрывая штор и не впуская в комнату свет хмурого сентябрьского ненастья, и ни о чем, ни о чем не думать. Потом можно было бы со Светкой в парк сходить и побродить там по листве, осклизлой от дождей и туманов. Забежать в первое попавшееся на пути кафе, прячась от дождя, прострочившего крупными очередями лужи. Засесть за столик у окна, заказать кофе с пирожными и...

– Дмитриев, ты еще дома?

Это Санчес звонил на домашний с глупым вопросом. В миру – Александр Иванович Давыдов. Ему Дмитриев пока доверял, хотя и ругался с ним неоднократно из-за небрежности молодого холостого шалопая.

– Нет, это автоответчик, господин Давыдов, – сострил Андрей, готовясь к нехорошим новостям. – Можете оставить свое идиотское сообщение после звукового сигнала. Пии-иип! Пошел говорить, Санчес, не тяни время, пленка кончается.

– Шутишь? – удивился Саша. – Это хорошо.

– Что там?

– На работу ехать не надо, Димыч. – Саша протяжно зевнул в трубку. – Ехать надо сразу до «Октавы». Там у них что-то стряслось, только что звонили в дежурку.

– А чего мне туда ехать, если «Октава» эта всего через дом от меня?

– Потому и звоню. Давай выходи.

– А ты где?

– У подъезда, голубей твоих дворовых гоняю. Жирные, сволочи...

– А звонишь с какого телефона?

– С мобильного.

– А чего не на мобильный тогда? – Во всем вот он был таким дотошным, будто время не поджимало.

– Так твой мобильный Светка на работу уволокла. – Давыдов снова зевнул. – Перепутала, говорит, как всегда. Смотри, Димыч, спалишься когда-нибудь.

– Чего мне палиться-то? – Прижав трубку щекой, Дмитриев полез на вешалку за курткой. – У меня от жены секретов нет.

– Честный ты у нас, наслышан! – беззлобно фыркнул Давыдов.

– Да иди ты! – разозлился Андрей не на Давыдова, нет, а на то, что левой рукой третий раз промахнулся мимо рукава. – Плохо быть честным?

– Хорошо, что ли! – с ленцой начал травить его Давыдов.

Он постоянно это проделывал от скуки и для того, чтобы сонливость с себя согнать, Андрей ведь рассвирепееет, станет орать, а то и грозить увольнением. А куда ему было идти, если он не инженер, не техник и не строитель? Он вот психологом был хорошим и включать мозги мог в общении с преступным миром так, что дух захватывало. И сколько раз его версии, казавшиеся поначалу бредовыми, находили потом подтверждение.

– Шел бы ты в психоаналитики, Санчес, – не раз советовал ему Пашка, который недавно уволился и стал работать охранником в банке. – Такое бабло платят!

– И чего хорошего в тех психоаналитиках? – недоумевал Давыдов.

– А чего плохого-то? Отсидишь час перед истеричкой какой-нибудь, с пониманием покиваешь и конверт получишь. И ей хорошо от твоих умных дельных советов, и тебе неплохо.

– А если ко мне на прием какой-нибудь педофил заявится и станет рассказывать мне о своих фантазиях! – не соглашался Александр. – В этом случае мне что делать?

– Слушать, Саша, только слушать, – стучал его по плечу Пашка.

– Щас! Слушать я стану, как он в мечтах своих извращается! Я ему зубы выбью и только!..

– А что, честным у нас не принято быть? – принял подачу Дмитриев.

Настроение у него сегодня с утра было бойцовское, понимаешь. Светка сначала раздражила, потом рука в рукав куртки не попадала, теперь вот коллега достает, чтобы встряхнуться. Сейчас он его встряхнет.

– Честным-то? – Давыдов хихикнул, поняв, что Андрей на взводе. – Дураки они все, Димыч, честные-то! Дураки и нищие.

– А как же ты мне поумнеть-то посоветуешь, дружок?! – скрипнул зубами Дмитриев.

Знал ведь, что Саша специально его доводит, а все равно не смог сдержаться. Слишком сильно затрагивала его эта тема, слишком больно царапала.

– А вот, помнишь, мы с тобой в квартире убитого банкира были? Помнишь?

– Помню, – не сразу понял Андрей, куда Саша клонит. – И что?

– А то! Ты нашел в его столе пачку долларовых купюр? Нашел. Мог ведь ее в карман себе засунуть? Запросто! И не узнал бы никто и никогда, что те деньги там лежали, потому что о них ни одна живая душа не знала. Ты бы вот взял эти бабки и со мной поделился бы. А что ты вместо этого сделал, идиот?

– Да ладно тебе.

Теперь ложка для обуви куда-то запропастилась, и Дмитриеву пришлось мять задники на ботинках, а он не любил неопрятности. И снова начал злиться.

– А ты вместо этого их в вещдоки занес. И кому от этого хорошо стало? Банкир так убитым и остался. Семья его богаче не стала, потому что он все любовнице по завещанию

оставил. И ведь любовница не поимела ничего, потому что сама убийцей банкира оказалась. Кто выиграл, Андрюша?..

– Да иди ты!

Он наконец полностью оделся и готов был уже выйти из квартиры, но для этого нужно было положить трубку, а Саша будто и не собирался заканчивать разговор.

– Слушай, ты деньги-то корпоративные не пали, милый. Твою распечатку проверят, и по шее получишь.

– Так ты проверять-то станешь.

– И что? Я не могу тебе по шее навалить?

– Ты можешь. Еще как можешь! Ладно, спускайся, жду, – вздохнул напоследок Саша и отключился.

Давыдов лифта не дождался. Не стал без конца теребить кнопку, пошел с шестого этажа пешком. Разомнется, а заодно и подумает, с чего это Санчес с утра про те деньги банкирские вспомнил. Не просто же так разговор завел, ясно, что не просто. Что-то случилось.

Коллега перед его подъездом пинал облупившимся носом старых кожаных туфель небольшой камешек и на него совсем не смотрел. То ли расстроен чем был, то ли озабочен, а то ли просто не выспался с одной из своих подружек. Кудрявую черную шевелюру, из-за которой, собственно, он и получил свое прозвище, трепал ветер. Опять не подстригся, стервец! Снова на построении они выговор на отдел получают. Что ты будешь с ним делать!

– Пошли, что ли? – ткнул Дмитриев коллегу локтем в бок.

– Пошли, – согласно кивнул тот, снова глядя мимо Андрея. – Куда сворачивать?

– Никуда, все время прямо. Что там у них?

– Хозяйка и начальница в одном лице будто бы пропала.

– Куда пропала?

– Знали бы, нас не звали, – огрызнулся Санчес. – В кабинете кровь. Дома ее нет. Все на своих местах.

– И дочери нет?

– И дочери нет.

– Занятно... – Дмитриев помолчал, потом снова ткнул коллегу локтем: – Чего про бабки те вспомнил, Саш?

– Да так, – тот неуверенно пожал плечами.

– Ну! Чего темнишь?

– Я, что ли?! – возмутился Давыдов. – Эти двое темнят-то, я, что ли! Совсем распоясались, сволочи!

– Ты про Михалева и Минина?

– А про кого же! – Желваки под плохо выбритыми щеками Александра Ивановича заходили. – Представляешь, вчера вечером выхожу со службы, мне наперерез девчонка одна. Так, свистушка лет пятнадцати. Я растерялся, а она: мне поговорить, мол, с вами надо. По очень важному вопросу.

– Поговорил? – Дмитриев прищурился и оглядел коллегу с пониманием. – Потому и не выспался?

– Да иди ты! Что я, совсем, да, чтобы с ребенком вязаться?! Просто... Она соседка той тетки, которую ограбили и убили неделю назад. Помнишь, мы с тобой на вызове были, а Михалев и Минин выезжали?

– Ну, помню. Что дальше-то?

– А то, что девчонка эта утверждает, будто видела, как один из них положил в карман золотое кольцо той убитой женщины. Никто, мол, не видел, а она видела.

– А она там как оказалась?

– Некого, понимаешь, в понятия будто бы было звать. Позвали эту девчонку и бабушку ее.

– Она же несовершеннолетняя.

– Вот и я о том же! Так мало того... Что делать-то, Андрюха? Совсем ведь оборзели эти двое!

– А что мы с тобой сделаем? Ничего, – сцепил зубы Дмитриев. – Кто поверит соплячке? Никто. Спишут это колье на ограбление. И разбираться никто не станет.

– Вот они этим и пользуются! Вообще беспредел, Андрей! Пашино наставничество, и крыша, чую, его. Вот сволочь!

– Пока, Сашок, мы их за руку не поймаем, ничего сделать не сможем. Ладно, отвлекись, вот и «Октава» уже. Смотри, как все тут переполошилось! Высокого полета птица, видимо, пропала, наследив кровью в своем кабинете.

– Да ладно тебе раньше времени-то, – покосился на него Давыдов. – Она могла пальчик порезать и не убрать за собой.

– Кто обнаружил?

– Сейчас все узнаем, – пообещал Саша.

Он сам не ожидал, как невыносимо сложно окажется им работать в дружном, сплоченном ненавистью к Марианне коллективе «Октавы».

Глава 7

Заплаканная девушка с простецкой физиономией и странной стрижкой со скошенной и сильно прореженной челкой назвалась секретаршей Ксенией. Она зашла в кабинет Марианны заученной скорой семенящей походкой уже после того, как эксперты свернулись и уехали. Залетела, наткнулась округлившимися от испуга глазами на Дмитриева, восседающего на месте ее начальницы, выдохнула со слабым оханьем. Шаг ее тут же сбился, скомкался, и до предложенного Андреем стула она только что не ползла.

– Когда вы в последний раз видели Марианну Степановну?

На его взгляд, паниковать было преждевременно. Волина могла уехать, никому ничего не сказав, потому что не была обязана это делать. Могла загулять, в конце концов, с каким-нибудь бойфрендом. Могла запросто осатанеть от постоянной режимной работы и, бросив все, улететь на острова. Он бы ни за что не стал паниковать раньше времени, если бы не заявление от ее подруги, которая работала в этой фирме главным бухгалтером. И не личный звонок самого губернатора, попросившего самое высокое начальство Дмитриева разобраться в этом деле.

Ну что же, так, значит, так. Будут разбираться. А если Марианна Степановна Волина к тому времени соизволит вернуться с отдыха или выйти из запоя, он только рад будет. Нет пропавшего человека, нет и состава преступления.

– Я?

Девушка закусила губу и часто-часто заморгала, будто пыталась вспомнить. Но что-то подсказывало Дмитриеву, что она напряженно размышляет, о какой последней встрече с Волиной она может рассказать.

– Так на работе, – с облегчением выдала секретарша и глянула на Андрея с выжидательной настороженностью: поверит или нет. – Она вызвала меня, дала указания и...

– Какие указания? – тут же ввернул он, потому что при слове «указания» у секретарши заметно дернулась шея, будто на нее кто-то невидимую петлю накинул. – Что за указания вам дала под конец рабочего дня Волина?

– Ну... по работе там.

– Что по работе?

Она врала. Он видел, что она врет. И не мог понять причину. Что такого могла науказывать ей Марианна Степановна, что она боится рассказывать? Не голышом же прийти на работу на следующее утро, в самом деле!

– Ну...

– Послушайте, Ксения, кажется, я не ошибаюсь? Отлично. – Андрей проникновенно улыбнулся в испуганную лживую физиономию секретарши. – Давайте договоримся... Вы откровенно и быстро отвечаете на мои вопросы, а я вас потом отпускаю на все четыре стороны. Видели, какая очередь в коридоре собралась из желающих со мной пообщаться? Отлично! Приступим?

– Она велела мне подстричься, – с благоговейным ужасом выдохнула девушка.

– И что? Что здесь такого?

– Ах, вы не понимаете! – с внезапной горячностью воскликнула Ксения. – Когда она говорит!.. Когда так вот говорит, то... Кровь просто стынет в жилах. И жить не хочется. И попробуй не подчиниться! Она такая была...

– Какая? – внезапно заинтересовался Дмитриев.

– Ужасная! Она была ужасная! – прошептала через силу секретарша и закрыла лицо руками. – Ее все боялись, все! Даже дочь ее... Хоть и хорохорилась, но боялась так же, как и все! Марианна Степановна – она была очень жесткой.

– А почему была, Ксения? Вы вот все время – была, была, а что, разве труп ее уже нашли?

Дмитриеву было интересно наблюдать за этой перепуганной насмерть девицей. Он очень живенько представлял себе ее, приехавшую из далекого села с дешевенькой сумкой, полной акриловых водолазок и закатавшихся свитеров из овечьей шерсти. Представлял, как мечется она по городу в поисках работы. Как всюду ей дают от ворот поворот. И тут вдруг – бац! – удача! Она натывается на фирму, где ей не только дают работу, но и...

А кстати!

– Где вы живете, Ксения? В общежитии?

– Нет, почему? Марианна Степановна позволяла мне жить в своей квартире, – ответила она с явной неохотой.

– Квартира принадлежит ей?

– Ну... да, конечно, она там тоже прописана.

Ксюша закусила губу с досады на приставучего милиционера. Взял бы и узнал все в жилищно-коммунальной конторе. Чего от нее хочет услышать? Что она теперь, если Марианна не найдется живой и невредимой, с квартирой осталась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.